

Виктор Мишин

ВТОРОЙ ШАНС НАЧАЛО

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Виктор Мишин

Второй шанс. Начало

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мишин В. М.

Второй шанс. Начало / В. М. Мишин — «АСТ»,
2016 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-096939-5

Он потерял всё, но получил Второй шанс. Шанс прожить жизнь так, как подобает настоящему честному человеку. Он – Сергей Новиков. Во время перезахоронения останков деда, пропавшего во время Великой Отечественной войны и найденного через семьдесят лет, главный герой случайно гибнет от разрыва гранаты времен войны. Волею случая человек оказывается в прошлом, в далеком и тяжелом сорок первом. Появившись в траншеях батальона, где воевал его дед, Сергей принимает решение сделать всё, чтобы дед остался жить или хотя бы не пропал без вести. Встав плечом к плечу с предками, Сергей быстро втягивается в тяготы войны и становится командиром взвода разведки. Благодаря некоторому везению и русскому «авось», парень отлично выполняет задания. Заметив странного бойца, командование берет его на заметку, и Сергеем интересуется представитель Ставки, и тут начинается самое интересное. Главному герою предстоит воевать в блокадном Ленинграде и в его окрестностях. Цель его стараний – помочь всем, чем можно, для снятия блокады.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096939-5

© Мишин В. М., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	51
Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виктор Мишин

Второй шанс. Начало

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Виктор Мишин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Этот день был обычным. Одним из многих однообразных, ничем не запоминающихся дней. Проснулся, позавтракал, поехал на работу. Вернувшись вечером домой, поцеловал жену и маленькую дочь.

- Как дела? – спросила супруга.
- Да как всегда. Вы дома, остальное придет.
- Что-то ты злой какой-то сегодня? – слегка насторожившись, спросила Светлана.
- Ничего, не бери в голову. Просто устал, настроение не очень.
- Иди ужинать, все горячее.
- Спасибо, сейчас почту посмотрю и приду, – ответил я, запуская «ноут».
- Опять засядешь на весь вечер, – тихо сказала жена, но я расслышал.
- Нет, честное слово, я быстро.
- Да кто тебе поверит? – усмехнулась Света.

Да, бывает, засяду и все, хрен вытащишь. А в последнее время «подсел» на «коп по войне», так увлекаюсь, вообще ничего вокруг не замечаю.

Зовут меня Сергей. Мне тридцать два, служил, участвовал, привлекался, да, было дело. Сейчас у меня обычная жизнь, женился не так давно, полгода назад жена осчастливила рождением дочурки.

«У вас одно новое сообщение».

«Ну, опять «спама» накидали, что ли»? – открывая в очередной раз «почту», я не думал совершенно ни о чем.

«Опять надо чистить», – думал я, удаляя всякую хрень, рассылки постоянно заполняют «ящик».

«Виктор Юрьевич прислал новое сообщение», – гласила надпись.

«О, а это может быть любопытным», – я с интересом открыл присланный файл.

Полгода назад я написал на одном поисковом сайте просьбу – хотел узнать что-нибудь о судьбе деда, пропавшего во время Отечественной войны – вот и приходили разные ответы. Кто-то писал – поищите там, запросите здесь – никакой конкретики. Но один пользователь оказался очень серьезным – он высылал карты боев с точностью до недели, когда и где они проходили. Боев, в которых участвовала 235-я стрелковая дивизия – именно в ней воевал мой дед, когда от него пришло последнее письмо, скупой солдатский треугольник.

Виктор Юрьевич нашел данные, что в сентябре сорок первого года дивизия попала в кольцо окружения. Последнее письмо дед отправил домой в начале месяца, выходило так, что оно оказалось предсмертным. Виктор Юрьевич считал, что это место и было последним, где дед оставался живым. Поэтому, когда открывал письмо, то меня уже терзал интерес – что же еще он узнал? А текст был таким:

«Сергей, сообщаю, что работающий по соседству с нами поисковый отряд обнаружил в болотах, на местах окруженной 235 сд, которой вы интересовались, множество останков, многие с медальонами, готовится братское захоронение.

Совершенно точно могу сказать, что у них есть данные о рядовом Потемкине Иване Васильевиче, 1915 года рождения. Возможно, это – Ваш родственник. Свяжитесь со мной по телефону – сообщу, когда состоится захоронение, если Вам все еще интересно!»

– Черт возьми, конечно, интересно! И даже – более чем, – я даже заговорил вслух.

Взяв в руки телефон и набрав номер из письма, стал ждать ответа. Ответили сразу:

– Слушаю!

– Виктор Юрьевич? Вас Сергей беспокоит. Вы мне письмо прислали, с информацией о родственнике.

– Понятно. Сергей, значит, вас интересует – где будет происходить мероприятие?

– Да, я бы хотел приехать, если это возможно.

– Конечно, возможно! Это будет правильно, – голос в трубке как будто повеселел.

– Я тоже так думаю. У нас в семье принято чтить своих предков.

– Это замечательная традиция, не многие отзываются. Вы ведь в Ярославской области живете? Не близко ехать, но – ничего страшного, – дальше он подробно описал, куда и как нужно добираться.

На карте навигатора я проложил маршрут – около семисот километров, нормально. Если не спеша, то часов за десять доеду.

Захоронение было назначено на воскресенье, у меня в запасе имелось два дня. Завтра собираюсь и часиков в десять вечера отчалию, как раз рано утром приеду.

Всю субботу я провел в сборах. Сообщил родне, куда еду. Особенно обрадовалась бабушка, родная сестра того человека, которого я еду проводить в последний путь. Собрал немного еды, воды, в навигаторе еще раз поколдовал над картой, проверил машину, заправил пару канистр – не люблю ехать «на авось», в незнакомую местность. Проверил заправку, насос. Вроде все в порядке. Жена и дочь помогали собираться. Хотел взять их с собой, но ребенок у меня совсем маленький – куда ее в такую даль тащить. Плотно поел и выехал из города, как и планировал – в 22.00.

Июль себя показывал во всей красе: почти до двенадцати светло, а уже в три – опять светло. Люблю ездить ночью. Дороги свободные, машина едет легко, благодаря свежему, ночному воздуху – благодать! Мой «Меган» легко глотал плохонький асфальт, слегка раскачиваясь на волнах. Легкий, не мешающий гул ветра был приятным попутчиком. Даже не заметил, как указатель топлива дошел до отметки в четверть бака. Значит, проехал уже больше половины. Сбросив скорость, съехал на обочину, затем свернул на грунтовку и на окраине леса, остановившись, долил бак «под пробку». Перекурил, размял ноги, посмотрел на часы – можно не торопиться, приеду к шести. И точно, в 5.50 въехал в нужный поселок, навигатор просигналил – конец пути.

Сразу обратил внимание на суетящихся везде людей, народу было много, несмотря на ранний час. Кругом стояли машины, в основном хорошо подготовленные к бездорожью УАЗы и «Нивы». Найдя свободное место, приткнул свой «Рено» и подошел к первому попавшемуся человеку, одетому в военный камуфляж.

– Здравствуйте, я приехал на захоронение родственника, к кому можно обратиться?

– А вон, – мужчина указал вытянутой рукой в сторону, – видите, человек «большой» такой, в камуфляже. Это старший из поисковиков, подойдите к нему.

– Спасибо, – я приблизился к указанному человеку, он и правда был внушительных габаритов.

– Здравствуйте, – обратился я, – подскажите, пожалуйста, где состоится захоронение солдат – у меня вроде как деда нашли.

Большой человек подробно рассказал и показал, куда мне идти, а затем и вовсе позвал за собой.

– Пойдемте, я провожу. Немногие приехали. Не захотели, ну, или не смогли, – пожал плечами поисковик.

– Да многие, наверное, и не знают о том, что у них были такие предки, – предположил я.

– Точно, – большой человек, представившийся Алексеем Борисовичем, пока шли по деревне, рассказывал, что удалось найти.

– Документы чудом сохранились – лежали в сейфе, а его, видимо, засыпало сразу. А ваш дед был рядом – он, майор и политрук. Вы писали, что он был при штабе связистом?

– Да, мне так сообщили, когда я просил узнать, где он вообще служил. Ему было 27 лет, он был не совсем здоров, видимо, потому в связисты и попал.

– Ну, личным связистом командира батальона обычно были хорошо знакомые бойцы – простого призывника комбат к себе не подпустит.

– Может, как-то сдружился с командиром?

– Скорей всего. Да и по возрасту он не молод был, на войне 25 – уже старый. А за тридцать – и вовсе дедушка. В таком возрасте уже при обозах были да связистами.

– Он и на войну попал со сборов. Ушел в мае на 45 суток, а тут война началась, дальше – не известно.

– В письмах обычно нельзя было писать – где находишься. Вот мы и пришли. Скоро начнут!

На большой поляне собирался народ, были и представители церкви, милиции, солдаты – видимо, из какой-то воинской части привезли. В один ряд были выставлены 15 красных гробов, вдоль них стоял караул с автоматами. Погибших было найдено около пятидесяти человек и, как и бывает в таких случаях, в одном гробу хоронят останки сразу нескольких человек.

Захоронение прошло красиво, воинам была отдана честь и слава. Были произведены выстрелы в воздух. Пришедший из ближайшей церкви батюшка помахал кадилом. Прочитал молитву. Затем была установлена мемориальная доска, на которой указаны имена всех, кого сегодня наконец захоронили. Потом все стали разъезжаться. Ко мне подошел Алексей Борисович и предложил идти за ним.

– Тут есть кое-какие предположения о том, как проходили события. И еще – если интересно, не хотите ли съездить на место, где обнаружили блиндаж, в котором находился ваш дед, перед тем как погиб?

– Конечно, хочу, что за вопрос, – загорелся я.

– Ну, тогда поехали. Оставьте вашу машину здесь – она там не проедет.

– Хорошо, едем, – кивнул я в ответ.

Мы петляли по лесу около получаса, по таким дебрям, что даже не описать. Какое, на хрен, «не проедет ваша машина», да мой «Меган» умрет в младенчестве уже на подъезде.

– Как хоть догадались залезть в такую глушь? – спросил я, в очередной раз приложившись головой о потолок машины.

– Все дело в одной старушке – живет тут недалеко – она рассказала приехавшим ребятам, что в этих местах были бои. Она была маленькой, но помнит, как долго выходили из окружения наши бойцы. Кто поодиночке, кто – небольшими группами. Лес раньше был далеко, а здесь были поля и болота. Вот мы и решили проверить. Только зашли в лес, а металлоискатель захлебнулся от звона. Парни копали всего десять минут, как нашли первого. После того, как откопали шестого, остановились – решили прикинуть, как линия обороны проходила. Подумали, походили, копнули рядом с большой воронкой, а там – блиндаж.

– Сколько же вы времени потратили? Такая работа! – восхитился я.

– Почти месяц безвылазно в яме, но зато – какой результат.

– И часто так? – я обалдел, когда оглядел место раскопа.

– Да бывает... Тут, сейчас, почти как в сорок первом – все траншеи отрыли, три блиндажа, ячейки.

– Немцы-то были? – спросил я.

– Мало, несколько человек. Видимо, тут артиллерией все перемешали, потом танками прошли – в одном месте кусок «гусянки» нашли. Так что, когда подошла пехота, обороняться

здесь уже было некому. Да и своих они выносили, – рассказывал Алексей Борисович, – в сорок первом всех своих вытаскивали.

– Страшно все это. Сколько же еще в земле вот так лежит? – задумчиво проговорил я.

– Я шестой год плотно работаю, уже со счета сбился. Много еще. Нашим детям останется.

– Если они помнят будут, а то фиг его знает.

– Ну, все не забудут, точно. С нами уже наши дети работают, так они и продолжат.

– Можно тут походить немного? – я обвел глазами местность.

– Хотите представить, как было? Не получится – такое не представить и в страшном сне. Походите, только грязи много. И не трогайте ничего, мало ли всякого валяется! Всего-то никогда не откапаешь – кто знает, сколько тут чего было!

– Я просто похожу немного, в мыслях покопаюсь.

– Дорогу назад сами найдете? Я пойду к ребятам, дел-то еще здесь очень много.

Я кивнул, показывая, что справлюсь сам.

Алексей Борисович пошел в сторону палаток, в которых жили поисковики, а я огляделся.

Не знаю, о чем я думал, прыгивая в бывший окоп. Приземлившись, увяз в глине чуть не по колено – пришлось сильно тряхнуть поочередно ногами, чтобы скинуть налипшее «тесто», иначе и ноги не переставить. Сделав пару шагов, споткнулся и все-таки рухнул в самую жижу.

«Ну да, этого и следовало ожидать! Ну, и за что это я зацепился?» – выругался я про себя.

Нога была в петле, точнее – в винтовочном ремне, торчавшем из грязи. Вставая, я неловко дернул ногой – вместе с ремнем выдернулся кусок глины, отдаленно похожий на винтовочный ствол.

«Во блин, и я чего-то нашел!» Ковырнув кусок глины, в который уходил второй конец ремня, я выдернул то, что когда-то было сумкой от противогаза и тут – оп-па! Чугунную чушку Ф-1 ни с чем не перепутаешь. Хоть она и была облеплена глиной, взяв ее в руки – ну а что еще оставалось – отметил, кажется, даже вслух, чеки-то – нет. Обернувшись, увидел на краю окопа двух парней – оба побелели, а я, наверное, вообще был зеленым. Парни стояли, не в силах что-либо сказать, я глянул быстро в другую сторону и успел крикнуть:

– Ложись...

Глава 2

Темно. Не тишина, значит – еще живой. Вроде ничего не болит, хотя я лежу – может, просто не понял еще. Надо как-то глаза открыть. Открыл – не больно, но темно. Ага! Значит, вот почему темно – что-то было на голове. Поднял руку – не больно, протянул к тому, что посчитал головой. Железо! Когда это я успел каску нацепить и, вообще, откуда она взялась-то? Блин, да что же так в ушах-то гремит? Сдвинул назад каску – перед глазами земля. А, так я в окопе, а где граната? Повернул голову – рядом кто-то лежит на боку. Неужели кого-то все же зацепило? Подполз – вставать почему-то боялся. Человек был одет во что-то толстое и длинное – пальто, что ли? Какое на хрен пальто – шинель! Откуда?

В голове – каша: блин, ну ладно – книги, кино – но так ведь не бывает. Так, как там говорилось? Кто-то долетался, а я похоже – домечтался. Неужели я – на войне, на ТОЙ войне? Блин, это в книгах хорошо – «попал» и пошел себе гансов «валить», да со Сталиным чаи гонять, а мне-то что делать? Да, вот это я попал, да еще, похоже, прямо во время боя. Думать некогда, надо осмотреться и принимать меры. Для начала – постараться выжить. Да это, вообще-то и есть основная задача и – самая трудная: если я попал в то место и время, где погибнет дед, то это – сентябрь 1941-го, и мне – амба! Так как, вся 235-я сд здесь и ляжет. В сентябре они попали в «котел», из которого уже не вышли. Изучал, когда деда искал, путь этой дивизии. Да и какой путь-то – по ней прокатились дивизия СС «Полицай» и восьмая танковая дивизия вермахта. Дальше продолжать?

Так, вроде потише немного стало, надо высунуться и осмотреться. Надо скорей одежду скидывать, а то объясняй потом – кто я и откуда. Стоп, а одежда-то не моя! Посмотрел на лежащего бойца – «есть контакт», – в желудке теперь пустота, только во рту помойка. Нет еще привычки к покойникам, тем более – лежащим по частям. Набрав воздуха в легкие, достал из кармана убитого бойца красноармейскую книжку, раскрыл. Сидоренко Сергей Васильевич, рядовой, 1923 года рождения.

– Может, и у меня документы есть? – сам себе прошептал я и похлопал руками по карманам.

– Нету ни хрена, никакой – даже самой плохонькой – справочки, – я размышлял вслух. Я в телогрейке – пусть так, прокатит наверное. Штаны-то тоже – местные.

Вроде комплекция та же, что и у меня. Но вот судя по ощущениям, я намного моложе. Лет двадцать, не больше.

– Братуха прости, так надо, – я, подхватив винтовку убитого, отошел в сторону. И почти сразу полетел от удара в лицо обратно, в ту же грязь.

– Ты что, сука, спрятаться решил? – на меня смотрел какой-то злобный карлик, в фуражке и с нашивками на рукавах. – Я тебя прямо здесь кончу, трус!

Я ничего не говорил, а только смотрел на дико вращавшего глазами пигмея. Ростом ниже меня, а я сам-то всего метр семьдесят, но пошире в плечах. Особист он, или политрук – хрен их разберешь, чего-то ждал. Я решил ответить хоть что-то.

– Да не прячусь я, оглушило сильно, пока очухался, тут и вы уже – по роже. Теперь вот совсем очухался. – Мой неуместный юмор был явно лишним. Я быстренько прикусил язык.

Он выхватил у меня из рук винтовку и махнул пистолетом в сторону.

– А ну вперед, урод, тут таких контуженых – каждый третий. Лапки задрали и к врагу.

– Вы же меня в окопе встретили.

– Я таких, как ты, насквозь вижу. Пошел вперед, говорю.

Ну чего тут говорить – видно, в книгах и фильмах не ввали: особисты – это что-то! Раз не убили в бою, значит – предатель, логика железная. Или, просто мне такой «подарок» попался.

Выбравшись из траншеи, под редкими взглядами других бойцов побрел в сторону видневшегося блиндажа. Глядя вокруг, видел людей, которым суждено погибнуть. Как мне с таким знанием находиться рядом, но ничем не помочь? Ну, вот уж хрена лысого. Чем смогу – обязательно помогу. Да и навыки разные есть, даже поделиться есть чем. Не Рэмбо ни разу, но послужил свое, чуток поучаствовал. Да и просто – голова не для шапки.

Войдя в блиндаж, увидел командира и бойца с рацией. Командир о чем-то заговорил с «особистом» у меня за спиной. Я не слушал их – не мог оторвать глаз от радиста. Нет, я никогда не видел даже его фото, но был уверен – настолько он был похож на мою бабушку. Я чуть не вскрикнул.

– Потемкин, свободен, позову.

Радист поднялся из-за стола с рацией и вышел. Я хотел поглядеть ему вслед, но этот садюга «особист» сильно толкнул меня в спину пистолетом. Ребра отозвались болью.

– Полегче, товарищ политрук. Давай хоть спросим его – кто он такой.

– Чего его спрашивать – шпион, трус и предатель, – прошипел сзади мой истязатель.

– Ого, вот как? Ну, а зачем привел тогда? Ты кто? – это уже мне.

– Новиков. Доброволец я, из первого полка третьей дивизии народного ополчения. – Этот полк был в составе группировки наших войск, сражавшихся где-то рядом. Воспоминания были свежи.

– А как ты здесь оказался, вы ведь западнее стояли?

– Стояли. Соседи наши – 177-я дивизия – еще держится, а нас разбили. Выходили – кто как сможет. Рвануло что-то рядом – а тут товарищ политрук.

– Сколько лет тебе – выглядишь лет на двадцать? – командир со знаками различия капитана спрашивал спокойно, «особист» наливал себе чай.

– Восемнадцать в октябре будет. Добровольцем взяли, не хотели сначала – мамка одна, а нас у нее четверо. Я – самый старший, отец – командир, но мы уже похоронку получили на него. Из дому я сбежал. Ходил по лесу, искал хоть кого-нибудь. Когда бомбежка началась, меня бойцы к себе в окоп и стянули. Патроны подавал, а как последнего убило, я его винтовку взял, но выстрелить ни разу не успел. Тут меня по роже и приложили.

– Да врёт он как сивый мерин – драпать собирался.

– Почему драпать? – я недоуменно смотрел на политрука. Чего он злой-то такой?

– Заткнись, курва! – Ну вот опять. Блин, он чего, вообще не знает других слов, только «лается» все время.

– Ты не кипятись, политрук, сам-то где был во время налета? – устало произнес капитан.

«Особист» аж в лице изменился:

– Как это «где»? Вместе со всеми, в окопах. – Глаза политрука бегали из стороны в сторону.

– Ну, так и он – в окопе, ведь так, боец? – Капитан перевел взгляд на меня.

– Так точно, товарищ капитан.

Капитан с некоторым удивлением посмотрел на меня и продолжил:

– Присягу принять успел?

– Да, неделю назад, – блин, я чего ляпнул-то, какое «Так точно»? Здесь еще так не говорят.

– Значит – в строй! – категорично заявил капитан, не обращая особого внимания на сказанную мной фразу.

– Так нельзя, еще проверить надо, – не унимался особист.

– Вот задачу выполним, тогда и проверяй – у меня каждый штык на счету, немец бьет, а тут ты им еще помогаешь. Все ясно, боец? – капитан вновь взглянул на меня.

– Да, разрешите выполнять?

– Ты в таком виде собрался воевать? – капитан придирчиво оглядел меня. – Потемкин, – в блиндаж заглянул мой дед.

– Отведи его к старшине, пусть подберет ему обмундирование, патроны и винтовку получишь позже. Кругом, шагом марш!

Я лихо развернулся и пошел к выходу, было слышно, что политрук еще что-то шепчет ротному, но тот шикнул в ответ. Дальше я уже не слышал – шел за своим дедом и поверить не мог, что я его вижу. Он выглядел солидно – чистая форма – в штабе сидит, понятно. Да, искал деда, а теперь меня найдут вместе с ним. Ни хрена не весело. Ладно, что уж теперь, будь, что будет. А капитан – МУЖИК! С политруком быстро утряс.

Старшиной оказался седой дядька лет сорока пяти, а может – и пятидесяти пяти, с огромными, как в это время говорили, «буденовскими» усами. Как-то недовольно посмотрев на меня и прищутив один глаз, сказал:

– Ну, чего приперся? – Серьезные тут люди, да и понятно – в такой жопе находятся.

– Иваныч, пополнение прибыло, – с ухмылкой произнес мой дед.

– Да какой от такого пополнения толк-то будет? – старшина окинул меня презрительным взглядом и махнул рукой.

– Ну, батя, может, и сгожусь. Тебя же к делу приставили, глядишь – и я осилю. – Я широко и приветливо улыбнулся.

– А борзый-то какой, – старшина посмотрел на деда и кивнул в мою сторону. – Никакого уважения к старшим. Под каким забором тебя нашли?

– Да не злись ты, батя! Шучу же, – я уже пожалел, что ляпнул сгоряча. Надо за речью следить. А еще лучше – вообще молчать.

– Смотри, дошутишься. Народ сейчас нервный, шуток не понимает.

Продолжать лаяться совершенно не хотелось, хотя старшина был еще тот фрукт, но, наверное, они сейчас все такие. Надо думать, как выкручиваться буду.

– Ваня, чего ему выдавать-то? – старшина посмотрел на деда.

– По-полной, только патронов и оружия не надо, пока, – заключил Иван.

– Иди сюда, вояка хренова. – Старшина скрылся в землянке, я нырнул за ним.

«Может, конечно, меня еще замордуют «кровавые» НКВДэшники, но пока все идет неплохо», – думал я, затягивая ремень и сгоняя складки.

Около землянки недовольного старшины меня поджидал Иван Васильевич, мой дед. Блин, в голове не укладывается. Я – на войне, встретил деда, можем погибнуть уже сегодня, а настроение фестивальное. С ума, что ли, схожу? Или уже сошел?

Через некоторое время было построение, политинформация. На построении огляделся: вокруг собрались усталые, с обреченным видом, не поднимающие голов люди. Политрук пел соловьем о том, как мы уже почти разгромили фашистов, как простой народ поднимает восстания в Европе. Короче, гнал так, как их и учили. Блин, а я думал, чего так долго отступали в сорок первом – так когда же было учиться воевать как нужно, если приходилось сидеть и слушать подобную ересь. Лучше бы учили бойцов стрелять точнее. Делая вид, что слушаю, я продолжал разглядывать людей. Это же надо, живыми увидеть наших героев. Без преувеличения. Люди выглядели по-разному: кто-то дымил самокруткой, кто-то просто сидел на земле, видимо, размышляя.

Меня одолела мысль: надо с ротным поговорить, наедине. Как тут это провернуть – даже не представляю. Нет, кричать и трясти руками, что «все знаю» – я не собираюсь. Тот же политрук меня с удовольствием к стене прислонит. И тут, о чудо, как по заказу подошел Иван – я уже стал его так называть, ему 28, а мне, до того как оказался здесь, было 32. Иван, махнув рукой и подзывая меня, сообщил, что меня зовет капитан Афанасьев. Я быстро пошел за ним.

В землянке командир был один, я, увидев это, обрадовался.

– Красноармеец Новиков по вашему приказу прибыл.

– Вольно, боец. Как тебя по имени-то? – капитан прикурил самокрутку.

– Сергей я, – осторожно ответил я.

– Тезка, значит. Слушай сюда. Ты, когда лесом пробирался, видел кого-нибудь или что-нибудь? Немцев или наших? Чего-то соседей наших не слышать?

– Можно карту посмотреть, товарищ капитан? – осторожно спросил я.

– Ты умеешь работать с картой? Однако какие добровольцы у нас по домам сидят! – капитан хмыкнул.

– Да немного. А мы где? – спросил я и, склонившись над картой, увидел почти ту же картину, что видел в интернете, когда изучал путь дивизии деда.

– Мы вот тут, между тремя поселками: Каушта – на севере, Клетно – на юге и Мины – на северо-западе. С флангов соседи не отзываются. Перед нами фрицы: пехотная дивизия – с юга и танковая – с запада. Но в лоб нам они бить не будут – не очень удобная местность здесь.

– А здесь и не надо. Связи с другими частями нет? – я осекся, нельзя так умничать.

– Да с утра тишина, – махнул рукой капитан, не обращая внимания на мои слова.

– Товарищ капитан, разрешите предположить?

– Говори, – брови капитана поднялись, но кивнул он одобрительно.

– Когда я ползал по лесу, то слева канонада была громче. Думаю, гитлеровцы уже смяли левый фланг и теперь могут ударить нам сбоку или вообще – в тыл.

– Ну, это – если смогли смять, там силы хорошие, – недоверчиво проворчал ротный.

– Товарищ капитан, может, разведку послать, посмотреть – есть наши в районе Дивенского, – я глянул в карту, – на фланге, или уже нет. Если там немцы, то надо что-то делать. Может, отойти – тогда немцам опять нас с ходу не взять будет, – не мог же я прямо сказать, что наших там почти не осталось.

– Да нет у меня разведчиков – вчера не вернулись. Тебя, что ли, посылать? – устало отмахнулся ротный. В точку, я аж ухмыльнулся про себя.

– Готов выполнять. Я, конечно, не разведчик, но местность знакомая. Справлюсь, – только бы согласился, а уж я очень постараюсь принести данные о прорыве обороны. Ведь все помню, что изучал. Да и свои навыки вспомню. Хотя тут война идет, не ясли ни фига.

– Ты очумел, ты хоть винтовку заряжать умеешь? – вскинулся капитан.

– Я думаю – там тихо пройти надо и посмотреть, а не в войну играть, – пожал я плечами.

– Так-то оно так, но..., – капитан задумался, он ведь меня совсем не знает, если что, его политрук с дерьмом смешает, – выполнишь задание, я тебя этим, – капитан кивнул в сторону выхода, – не отдам, можешь поверить. Документы сделаем, пока твои не придут.

– Товарищ капитан, сделаю все, что смогу. А там, может, и особый отдел поверит, – ответил я.

– Одного не пушу – дам двух человек. Они местности не знают, пойдешь старшим. Далеко не ходи, 111-я стояла в трех километрах. Сейчас, – командир взглянул на часы, – шесть вечера, немцы, наверное, уже не полезут до утра. Вам нужно вернуться как можно быстрее – больше времени останется для решений!

– Все ясно, разрешите идти? – вытянулся я.

– Давай, осторожней. Оружие получил?

– Нет пока, политинформация же была, – улыбнулся я.

– Ясно, важнее ничего и быть не может. Потемкин!

– Слушаю, товарищ капитан, – вошедший в блиндаж Иван встал перед ротным.

– Ваня, проводи бойца – пусть дадут оружие, патроны. И позови мне Зимина.

– Разрешите просьбу, товарищ капитан? – решил я воспользоваться доверием ротного.

– Давай, – кивнул капитан.

– Нож и пару гранат, если есть, – сказал я и уставился на ротного – откажет, так откажет.
– Да есть вроде. Ты вроде сказал, что воевать не надо будет? Ладно, Ваня слышал?
– Слышал, разрешите выполнять?
– Выполняйте. Удачи вам, – капитан посмотрел на меня с такой надеждой, что мне захотелось бегом на задание бежать.

Я побрел за Потемкиным – за дедом. А к блиндажу подошли двое: один, перекинувшись с дедом парой слов, нырнул внутрь.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – произнес красноармеец.

– Зимин? – поднял глаза на вошедшего бойца капитан Афанасьев.

– Красноармеец Зимин по вашему приказанию прибыл, – вскинул руку к пилотке боец. Парень был среднего роста, белобрысый и с голубыми глазами, «истинный ариец» – мечта фюрера. Шутка.

– Такое дело, Александр, идешь в разведку. С тобой Синицин? Он вроде толковый парень. С вами пойдет один боец, он – новенький. Парень неплохо знает местность, но ты, Зимин, будешь за ним приглядывать. Вернетесь – доложишь свои наблюдения. Все ясно?

– Разрешите выполнять? – снова вскинул руку Зимин.

– Вперед, и главное – дело сделайте, – капитан устало опустил на лавку.

Глава 3

Я решил замутить это дело для того, чтобы попытаться предотвратить полное окружение 235-й дивизии. Если удастся довести до капитана свои мысли. Конечно, дивизией-то не капитан Афанасьев командует, но хоть что-то сделаю. Так как я хорошо знал, что здесь произойдет, буду пытаться достучаться всеми правдами и неправдами. Карты-то изучал, было очень интересно, когда искал сведения по боевому пути деда, вообще множество карт боевых действий лежало даже в простой Википедии, в свободном доступе, эх вот бы знать, изучил бы более точно, хотя немало помню, не наизусть конечно, поверхностно, но все-таки.

Когда вернулся к командирскому блиндажу с оружием, увидел двух бойцов, оба стояли возле командирского блиндажа. Мне выдали настоящую, легендарную «мосинку», тяжелая, с... однако. Парни были вооружены как и я, только я еще ТТ выпросил. Самое смешное – дали. Быстренько познакомился с ребятами. Один, высокий и худой парень, звался Игорем Синицыным, рассказал, что воюет с первого дня. Угрюмый взгляд серых глаз из-под черных бровей говорил о том, что хлебнул парень – по уши. Второй был с меня ростом, но гораздо шире в плечах, назвался Александром Зиминим. Этот был полной противоположностью, улыбчивый, с открытым честным взглядом. Нравятся мне люди, смотрящие именно так, не лживо. Что касается меня, я вообще-то габаритами не вышел, но зато шустрый, блин, что понос.

– Парни, вам сказали, куда идем? – я взглянул в глаза каждому.

– В округе пошастать? – Игорь сделал неопределенный жест рукой.

– Точно, но по-тихому. Везде могут быть вражеские войска. У вас оружие пристреляно? – ляпнул, а сам подумал: «опять умничаю».

– Да, а фрицев здесь точно хватает, когда идем? – спросил Саня.

– Да уже идем, вы готовы? А то мне бы винтовку пристрелять, – я окинул их взглядом.

– Да, а винтарь у леса можешь попробовать. Все туда ходят, – почти хором ответили оба бойца.

– Тогда попрыгали и вперед, времени мало, – я подпрыгнул, а парни с удивлением смотрели на меня.

– А прыгать зачем? – с каким-то подозрением, что ли, спросил Синицын.

– Попрыгаем и послушаем, насколько километров вокруг нас слышно будет, – серьезно заявил я. Парни подтянули ремни, подпрыгнули. Сам сделал то же самое еще раз, норма.

– Мужики, каски оставьте, только лишний вес, а толку ноль, не в окопе сидеть. В ближнем бою не поможет. Гранаты взяли?

– По две штуки старшина выдал. – Ребята сложили свои каски рядом с моей, прямо у блиндажа.

– Надо же, не разорился? – с улыбкой спросил я.

– Да он нормальный у нас, только поворчать любит, – заметил Игорь, – с первого дня на фронте и в Финской участвовал.

Я понативно кивнул в ответ, и мы устремились к лесу. Дойдя до первых деревьев, увидели несколько человек в форме бойцов РККА, люди возвращались откуда-то.

– Вот, тоже стрелять ходили, вон там давай остановимся, – заметил Зимин.

Выпустив пять пуль, слегка охренев от отдачи и убедившись, что винтовка не кривая, я снова зарядил «ствол». Спустя пару минут мы продолжили свой путь. Пройдя около двухсот метров, направились вглубь, хотя лесок тут был не особенно густой. Пройдя пару километров, наткнулись на ручей, с виду вполне себе большой.

– Серега, смотри, а тут следы есть, – нарушил тишину Синицын.

– И много, за водой, что ли, кто ходил? – Саня прошел немного дальше. – «Серый», сюда подойди.

Приблизившись, я взглянул на землю. На траве явно кто-то недавно лежал, потом увидели кровь, ее было много. Даже не впиталась в землю. Слегка зашумело в голове. Трава, земля, кусты и ветки на елках были алыми, просто охренительно много крови. Странно, но трупов нигде не видно.

– Наверное, наши соседи отступали, но видимо, оторвались, или погони не было. Гильз стреляных нет, – предположил Игорь.

– Сань, пройди немного вперед, погляди, – махнул я в направлении кустов. Александр молча скользнул за ближайшие кусты, а я решил посмотреть с другой стороны.

– Игорь, сиди здесь, смотри в оба, я сейчас, – повернувшись к Синицыну, бросил я.

Игорь в ответ лишь кивнул и спрятался в кустах, а я двинул в сторону, противоположную той, куда ушел Саня Зимин. Пройдя всего метров сто пятьдесят, наткнулся на убитого красноармейца, парень лежал на боку, по виду умер совсем недавно. Оружия при нем не было. Документов тоже. Наверное, кровью истек. Походив еще немного, нашел еще одного и тоже обобранного. Только подумал, что надо возвращаться, как рядом раздался тихий хруст ветки, я мгновенно упал на землю, перекатился в сторону и замер. Хорошо, что мох подо мной, не слышно, как я тут ворочаюсь. Свои? Немцы? Хрен их знает, даже если свои, шмальнуть с перепугу могут и те, и другие. Я бы так и сделал, наверное.

Лежу. Даже дышать страшно, это ни фига не кино. Если немцы, придется драться, возможно, убивать. Готов ли я? Рядом кто-то шел, причем не таясь. Ветки уже хрустели отчаянно. Так ходят, когда не боятся – как у себя дома. Чуть приподняв и повернув голову, увидел фрица, самого настоящего, в каске и с карабином в руках. Тот шел во весь рост и поглядывал по сторонам. Явно не один он здесь, раз так свободно гуляет. Убейте меня поленом по голове, немчура лес прочесывает, наверное, ищут недобитых, тех, кто смог уйти. Блин, ну я и вояка, винтарь-то оставил рядом с трупом. Осматривая убитого, положил рядом, а шум услышал, кувырнулся, а про винтовку и не вспомнил. Выговор мне, с занесением в грудную клетку. Пистолет вынимать не буду, все равно бесшумно затвор не передернуть.

Грохнувший где-то выстрел, вывел меня из ступора, о, вот еще один и еще. Кто-то стрелял, недалеко. Только бы парней не нашли.

Я медленно посмотрел по сторонам, затем на немца. Тот стоял напрягшись, прислушивался, вытянув шею и направив карабин в сторону выстрелов. Его широкая спина требовала от меня действий. Хрен ли я жду, сам-то он не застрелится. Ладно, Новиков, хватит валяться, рано или поздно это все равно бы меня зацепило. На войне не отсидишься. Рано или поздно, но придется и самому убивать. Начнешь думать – самого завалят, вот так. А хрен вам во всю спину, уж одного, но завалю, а больше я пока и не вижу. А надо бы поглядеть.

Медленно, кажется, даже не дыша, я вытянул нож из-за голенища сапога. Присел, приподнял руку с ножом на уровень плеча и, выдохнув, рванул вперед. Хотя это и солдат, но все же он человек, а с человеком справлюсь. Мысли пронеслись вихрем. До немца было всего метров пять, но я пролетел их за секунду. Фашист услышал меня и резко повернулся. Но я, даже не успев испугаться или задуматься, всадил немцу финку прямо в грудь. Фашист хлопнул глазами, успел, даже не вскрикнуть – глухо простонать, а я надавил на нож со всей пролетарской ненавистью. Треснула ткань одежды, лезвие вошло по самую рукоятку. Фриц ловил ртом воздух, но, сука, не умирал. Глаза, бешено выпучившись, с ужасом смотрели прямо на меня.

Мне как-то приятель, опер, объяснял, почему те, кто убивает ножом, наносят множество ударов. Оказалось, обычный страх, бьешь, а человек не умирает. Сложно это, вот так просто убить человека, а ножом тем более. Есть, конечно, такие места на теле, куда и одного удара хватит, но для этого нужны тренировки.

Наконец из горла немца донесся булькающий звук, и он начал заваливаться прямо на меня. С силой потянув нож обратно правой рукой, левой стал толкать раненого в грудь. Кровь брызнула из раны на руки. Фашист рухнул на землю, звякнув тубусом противогаза о землю. Не

успел я осмотреться, как меня опять мучительно вырвало. Очень тяжело убить человека. Даже врага. Бляха муха, как же мне противно-то, но надо сваливать. Вытер руки сначала о мох, а затем о немецкий френчик. Задавив новый порыв рвоты, я быстро обшмонал труп. Разжился двумя «колотушками» и снял ножны со штыком. Патроны к карабину были в подсумках на ремне, пришлось перерезать ремень, документы ганса я обнаружил в кармане на груди и, подхватив его карабин, ушел к ручью. Ранца у фашиста не было, наверное, где-то недалеко они расположились. На ходу сунул все взятое в сидор, все, кроме гранат. Стрельбы кстати, давно не слышать, интересно, парни живы?

У ручья никого не было, блин, да где вы есть-то? Пошел медленно по следам, как вдруг откуда-то меня тихо позвали.

– Саня, ты? – ответил я, узнав голос Зимина. Остановившись, стал осматриваться по сторонам.

– Игоря взяли, увели с собой, – спустя пару минут рассказывал Саня. – Я нарвался там, одного подстрелил и спрятался. Немцы чес устроили, наверное, прямо на Синицына и вышли...

– Ты сам видел? – спросил я.

– Да, испугался он, похоже, даже стрелять не стал, они его сначала втроем ногами пинали. Потом связали. Своего дохлого тоже забрали.

– Так их только трое? Или ты больше не видел, – я удивленно вскинул бровь.

– Думаю трое, там дальше дорога, на ней два мотоцикла. По двое на каждый, так думаю.

– Больше их, но вот, сколько точно? – я задумался.

– Да с чего ты взял? – недоверчиво посмотрел на меня Зимин. Я рассказал ему, как снял одного.

– Ну, значит пятеро, – подвел итог Саня.

– Скорее шесть, один, наверное, у мотоцикла оставался.

– Вот черт, а может и так, – Саня почесал затылок, сдвинув пилотку на глаза.

– Куда они пошли? – я взглянул на товарища.

Александр встал, махнул мне рукой и, показывая направление, пошел вперед. Не дойдя до дороги, мы услышали немецкую речь. Посмотрев в сторону, откуда слышался разговор, я увидел два байка на дороге и четырех стоящих возле них фрицев. Игорь лежал на земле и корчился от боли.

– Говорят, надо вызвать подкрепление и прочесать лес, – прошептал мне на ухо Зимин.

– Ты чего, немчуру понимаешь? – я удивленно вытаращил глаза на парня.

– Да немного, мама учителем немецкого языка в школе была, – так же тихо ответил Саня.

– Молодец у тебя мама, нельзя немцам дать уехать, «друзей» приведут. А так мы выясним все, что нам надо.

– А чего мы можем сделать? – несколько растерянно спросил Зимин.

– Ты как стреляешь, Саня? – в свою очередь спросил я.

– С такого расстояния и слепой попадет! Тут же метров пятьдесят всего, только вот, много их.

– Отлично, – не обращая внимания на сомнения Зимина, я уже просчитал, как нужно действовать, – бери пулеметчика, а то он уже в коляске сидит, не попадешь – нам край.

– Хорошо, ты сам выбирай, – произнес Саня, беря свою «мосинку» на изготовку.

– Не волнуйся! – коротко бросил я и добавил: – Хорошо, что каски они сняли.

Я отполз на пару метров правее и прицелился из немецкого карабина. Патроны я проверил ранее. В работоспособности карабина я даже не сомневался, у немца же взял. У этих порядок, прежде всего. А ничего так, ухватистый ствол. Поймав голову одного из фрицев, стоящего ко мне спиной, выбрал свободный ход спускового крючка. Расстояние очень маленькое,

промахнуться будет трудно, но, все-таки подумав, в голову решил не стрелять. Оружие для меня неизвестное, как оно пристрелено – загадка.

Гулко хлопнули два выстрела. «Мой» фриц кулем осел на землю, а пулеметчик, в которого стрелял Зимин, откинулся на спинку люльки. Оставшиеся фрицы тут же упали и открыли ответный огонь. Хорошо, что сразу вывели пулемет, а у того, что я свалил, был МР-40. Вдруг с дороги вскочил Игорь и рванул в сторону, один фашист поднялся на колено, но выстрелить не успел, я целился как раз в его сторону, получилось как в игре, только отдача реально отбила плечо. Саня тем временем что-то выкрикнул на немецком, из-за мотоцикла показалась голова и пустые руки фрица, который что-то кричал в ответ. Игорь подбежал к нему, уже с немецкой винтовкой в руках и принялся его месить. Мы поспешили его остановить, еще бы чуток и фрицу кирдык. Озверел Игорек малехо.

– Твою дивизию, Синицын, отстань от немца, – орал я.

– Эта гнида меня ногами пинала больше всех, убью суку! – Игорь рвался, надо срочно успокоить его.

– Я чего сказал, быстро. Собрать оружие, осмотреть мотоциклы, грузимся и сваливаем. И так пошумели, бля, что теперь не до разведки.

– А куда едем-то? – спросил Саня.

– Возвращаемся, не хрен тут больше делать. Обстановку более или менее и этот хлопчик нам поведает. Грузите его, связали хоть? Молодцы. – Парни действительно уже успели упаковать фрица.

– Серег, а мне чего теперь, трибунал? – спросил Игорь, когда мы уже подъезжали к расположению.

– Это с какого перепуга? – я как-то не въехал даже, о чем он говорит.

– Ну, я ведь сдался, струсил. Политрук говорил, что красноармейцы не сдаются.

– Это тебе политрук сказал? – скривился я.

– Ну, а как же, ведь сдался же? – Игорь отвел глаза.

– Мы провели операцию по захвату языка, ты отвлекал немцев, мы выполнили захват. Все так и было Саня? – я взглянул на Зимина в надежде на его сообразительность.

– Так и было! – мотнул головой Зимин.

– И ничего другого, ты все понял? – это я уже Синицыну.

– Да, ребята. Такого больше не повторится? Лучше пулю получить, – уверенно произнес Синицын.

– А вот это глупо, – прервал я, – пулю и дурак выпросит, а кто воевать будет? Немец полстраны подмял, кто его назад гнать будет. Если мы все ляжем, здесь могильник будет, а не наша родина. Думайте, парни.

Мы подъехали к позициям нашей дивизии и были остановлены солдатами, которые от неожиданности нас чуть в расход не списали. Но все утряслось, вызвали нашего ротного, а когда он примчался, нас потащили в штаб дивизии.

В поселке царило уныние, сидевшие тут и там бойцы пытались заниматься кто чем. Где-то слышались негромкие звуки гармонии, тоскливые и скребущие душу. И я прекрасно понимал, почему.

В блиндаже нас встретил комдив и, конечно, представитель особого отдела. Мрачные командиры выслушали краткий отчет о наших похождениях и отправили меня писать рапорт. А вот парней попросили задержаться.

– Докладывайте, красноармеец Зимин.

– В лесу, рядом с бывшими позициями наших соседей, напоролись на немецкий патруль. Фашисты были на двух мотоциклах, всего шесть солдат. Вынуждены были открыть огонь. После короткой перестрелки, пятеро врагов было уничтожено, один захвачен в плен и доставлен в расположение дивизии.

– Что по моей просьбе? – дождавшись паузы, спросил Афанасьев.

– Красноармеец Новиков в бою показал себя хорошо. Не растерявшись, подкараулил и тихо снял одного немца, убил ножом. Грамотно спланировал нападение на патруль, в результате был захвачен язык.

– Ничего странного за ним не заметил? – а это уже кое-кто постарше звездами.

– Знает много. Говорит чудно. Когда раздавал указания, я даже подумал, что передо мной – командир. В смысле, минимум лейтенант. Отлично стреляет, умеет выбирать позицию. Верно распределил цели по важности. Как я уже сказал – соображает очень быстро и четко.

– Вот как! – удивленно воскликнул комдив. – Хорошо бойцы, можете идти. Подробнее укажите в отчетах.

– Зимин и Синицын, дружно развернулись и вышли.

– Вот про это я и говорил, – прозвучало за спиной парней.

Глава 4

Часа два нас не трогали, я даже поспал часок и поел, а то в желудке давно ничего не было. Ведь чуть не обделался, когда немца резал. Хотя, что уж там, блеванул знатно. Вот, опять подошло, как вспомнил. Блин, надо отвлечься. Разобрал трофейный немецкий карабин, вычистил, из своей-то винтовки я почти и не стрелял. Хотя надо и ее почистить. Хорошая вещь, этот немецкий штуцер, и полегче, и поухватистей нашей «мосинки», да и отдача приемлема. «Мося» уж больно лягается, мощи слишком много. А тут – в самый раз.

– Новиков, к командиру! – раздалось рядом. С призывом так, властно. Сразу захотелось бежать и выполнять. Я вскочил, поправил гимнастерку, надел пилотку и вылез из землянки.

– Давай, дуй быстрее, комдив злой как черт. – У входа стоял красноармеец с винтовкой.

– Во, блин, попал, а чего я сделал-то? – выпучив глаза, проговорил я.

– Да они немца как допросили, так и орут уже третий час.

Посыльный оказался разговорчивым парнем, рассказал, что мне бояться нечего, командиры что-то придумали, он краем уха слышал. Блин, я теперь каждого окрика или взгляда опасаюсь.

– Во дела, там же целый майор госбезопасности сидит, сейчас прицепятся...

– Да нужно ему больно, – оборвал меня посыльный, – он, кстати, нормальный мужик, в отличие от нашего политрука. Но не выдавай меня! – парень осекся и испуганно посмотрел на меня.

– Да мы с тобой и не разговаривали.

– Вот и я об этом.

Подойдя к блиндажу комдива, собрал складки на спине и вошел.

– Товарищ комдив, красноармеец Новиков по вашему приказанию прибыл, – четко отпартовал я и, вытянувшись в струну, уставился перед собой.

– Молодец Новиков. Капитан, а ты говоришь у тебя разведки нет, а это кто? – Ротный тоже был здесь и стоял навтыжку. Комдив мне почему-то сразу понравился. Было в нем что-то располагающее к себе. Простой, с намечающейся лысиной, еще вполне себе молодой.

– Боец третьей роты, из полка народного ополчения, товарищ генерал-майор.

– Зачислите его к себе. Ведь от их полка никого и нет уже. Выдайте петлицы, приказ сейчас подпишу. Пусть отделение под свое крыло берет и воюет.

– Есть, товарищ генерал, младшего? – уточняя, чуть растерянно спросил Афанасьев.

– По-моему, полноценный сержант, – подмигнув мне, ответил генерал. А я ошалело вытупился на него. – Для такого бойца можно и перескочить.

– Есть, присвоить сержанта, я и сам хотел просить, – смутившись, добавил капитан.

– Так, с церемониями потом. Смотри сюда, сержант. Вот здесь мы, – генерал ткнул карандашом в карту, и я, склонившись, посмотрел. Вот это завертелось, только что политрук расстрелять хотел, а сейчас с комдивом лоб в лоб над картой стоим.

– Здесь и здесь, по сведениям вашего языка, немчура собралась. Надо бы узнать, что у нас с правым флангом. Если мы развернемся, то тыл у нас должен быть чист.

– Товарищ комдив, там мост как раз, я думаю, что там уже фрицы. – И куда я лезу-то? – Мы слышали, как два фашиста разговаривали, где-то здесь должна пройти дивизия СС, а там не такие вояки. Мост они в первую очередь возьмут.

– Ты сам слышал? – уставился на меня комдив, вперив в меня орлиный взгляд.

– Ну, – протянул я, – мне Зимин перевел, он расслышал, что скоро их пехтуру придадут эсэсовцам. Я просто вывод сделал.

– Тем более, надо скорее проверить, если это так, нам нужно немедленно действовать. Не выстоим мы и получаса, у них по сотне танков в дивизиях, а у нас всего десяток остался и

снарядов почти нет. Придется северо-восточней отходить, немцы уже в Новинке, вот здесь, – он показал на карте, – в Сусанино наши развернуться должны.

– Может, уже готовиться? – произнес капитан Афанасьев.

Как бы ему объяснить, чтобы не заподозрил, что я УЖЕ знаю, ЧТО тут будет. Ведь нас сейчас обходят и не сегодня – так завтра, мы в мешке будем.

– Товарищ комдив, пока туда-сюда, не успеют войска отойти, – тихо проговорил я.

– Ты сержант не забывайся, – сказал он строго, но без эмоций. – Просто так никто не отступит, Родина нам не простит. Стоять нужно твердо и любой ценой громить врага.

– Родина простит и поймет, когда мы уцелеем и врага разобьем, – пробурчал я под нос.

– Вот ты и сделай так, чтобы мы все успели! – все же услышав меня, отрезал комдив. Генерал был непреклонен, да и как я могу послушаться.

– У меня – приказ, обороняться здесь, мы прикрываем отход других частей, наша дивизия, вместе с 24-й танковой, 177-й стрелковой и остатками полков народного ополчения, отходит в последнюю очередь. Чем быстрее ты мне принесешь данные, тем быстрее мы свяжемся с командованием корпуса, – все-таки пояснил командующий, хотя и не должен был.

– Разрешите выполнять?

– Вперед, сержант, и возвращайся скорее, – одобрительно кивнул комдив. Я был сильно удивлен такой откровенностью командиров. Думал тут наоборот – молчат все как партизаны, а мне полный расклад дали.

Я развернулся и вышел, надо людей собирать. Как-то все-таки странно все это. Не успел осмотреться, как мало того, что сразу в бой, так еще и в разведку, и звание уже присвоили. Быстренько я взлетаю, как бы ни упасть еще быстрее.

Мне дали отделение, в котором были уже знакомые два бойца, Синицын и Зимин. Оказывается, у них сержанта убило, ну мне и дали их отделение. Ребята обрадовались, когда узнали, что я теперь с ними, а когда мне дедушка, тьфу ты черт, все не привыкну, Иван Потемкин, принес новые петлицы, обалдели.

– Ты, Серега, у нас командиром стал, что ли? – Саня аж присвистнул.

– Да, вопросы потом, быстро построились, давайте. Дело есть. – Парни не стали перечить или возмущаться. Быстро выстроились в шеренгу и приготовились слушать.

– Такое же, как и прошлое? – поинтересовался Зимин.

– Хуже и страшнее. А если серьезно, то от нас зависит, ляжет дивизия здесь или мы еще подергаемся, – я решил не шутить и сделался максимально серьезным.

– Даже так? – ребята переглянулись.

– Именно так. Немцы гонят большие силы на нас. Пехотная дивизия с одной стороны, да еще и танковая с другой, их голой жопой не остановишь. Раздавят, не поморщатся.

– И чего нам делать-то?

– Затариваемся под завязку, как в последний раз. Я выпрошу сейчас пулемет трофейный, да один и так должен быть, по штату. Гранат побольше, шинели на хрен, все лишнее выбросить, жратвы немного, боеприпасы главное. Хотите жить – берите больше.

– Я тогда соберу ребят, пока ты трофей кланчишь.

– Давай, Саня. Собирайтесь, через двадцать минут выходим.

Трофейный пулемет нам, конечно, не дали. Хорошо еще был в отделении штатный пулеметчик с ДП – хоть что-то. Свою «мосинку» и немецкий карабин приказали сдать, вежливо так отняли. Дали ППШ, прям, мечтал о нем. Парни еще завистливо загомонили, а я сказал им, что посмотрю, как они завидовать будут, когда я его перезаряжать буду. Там надо немцам взятку давать, чтобы дали время на перезарядку. Ладно еще старшину уговорил дать два пустых диска, в придачу. Сначала долго подбирал подходящие, потом еще минут десять снаряжал, старшина подсказал, не заряжать полностью, а то патрон перекосит в самый «нужный» момент. Взрывчатки тоже не дали, нет.

Вышли через час, но в принципе нормально, зато успели собраться и поесть как следует. Шли как караван верблюдов. Некоторые ворчали, но не ругались. Парни все уже повоевали, знали, что оружия много не бывает. Через два часа вышли к мосту, точнее, остановились метров за триста. Естественно, он был уже захвачен. Фрицы службу тащили на совесть, два пулеметных гнезда, БТР, тоже с пулеметом, даже зенитку притащили. Хорошо хоть танков нет. И чего они тут таким табором?

– Серега, я пойду, посмотрю, посчитаю их.

– Не сейчас Саня. Надо парней посмотреть, кто у нас потолковей?

– Вон Мурата возьми, он стреляет хорошо и ходит очень тихо.

– Казах, что ли? – я с сомнением глянул на невысокого бойца с раскосыми глазами. Хрен его поймешь, сразу ведь не разберешься в человеке.

– Ага, толковый парень.

– Игоря возьму еще, и хватит.

– Может, другого кого? – теперь уже засомневался Зимин и посмотрел в сторону Синицина.

– Забыли, не помнишь, что ли? Не было ничего, – зло шикнул я.

– Как знаешь, тебе виднее.

– Позови их, – прекращая этот разговор, попросил я.

Зимин позвал двух бойцов, я объяснил, что от них требуется. Казах был маленького роста, шустрый, самое то в разведку.

– Мурат, ты по-русски понимаешь?

– Лучше тебя! – фыркнул с вызовом тот, на прекрасном и чистом русском языке. В уголках его щелок-глаз играла хитринка.

– Ну ладно, не обижайся, я не со зла. Просто, чтобы непонятка не вышло, – я поспешил сгладить обстановку, не хватало еще в таком выходе разосраться.

– Чего не вышло? – раскрыл свои узкие глаза Мурат.

– А говорил, понимает, – Саня заржал.

– Тихо ты, конь. Я имел в виду, чтобы понимали все, всё и сразу, ясно? – выругался я на Зимина, хотя сам еле сдерживал смех. Ну, не говорят здесь так. Не захламили еще наш великий и могучий язык.

– Ясно, – тихо сказали парни.

– Остальным – рассредоточиться. Замаскироваться, как следует, и тихо ждать. Если мы не вернемся, а вы услышите стрельбу – к мосту не соваться, идете обратно, Зимин – старший, скажите, что все погибли. Все – поскакали.

О как меня распирает, приказываю так, как будто всю жизнь минимум взводом командовал.

От леса до моста было метров пятьдесят. Ближе не подойти.

– Командир, надо дальше пройти, там у реки поворот, проскочим к воде тихо, а потом по берегу, они и не увидят. Берег высокий, а на том берегу никого. – Мурата я уже уважаю, дельно придумал.

– Молодец, Мурат, так и сделаем. Пошли.

Речушка Оредеж изгибалась, как «бык пописал», и у нас получилось подойти к реке скрытно. На той стороне и, правда, было тихо. Берег реки с нашей стороны, высокий и обрывистый, удалось скрытно дойти до самого моста. Аккуратно выглянув с одной стороны, я начал считать фашистов. Пройдя под мостом, Игорь занялся тем же с другой стороны. Вышло два десятка. Трое у зенитки, по два у каждого пулемета. В БТРе пулеметчик и водила, видно было дым от сигареты на месте водителя. Двое стояли на мосту, и еще семеро нагребали землю и песок в мешки. Видать, основательно встают здесь. Готовят укрепления, а это значит, что танки еще не прошли, на фиг бы им мост тогда охранять и возню тут устраивать. Если танки

пройдут и ударят в тыл нашей дивизии, тут на пятьдесят, а то и сто километров вокруг не будет больше никого. Следовательно, бояться им будет нечего. А раз так, мост нужно уничтожить к «бененой» маме.

– Мурат, вернись к нашим, пусть Зимин начинает. Сначала пусть пулеметом причешут этих земледельцев. Остальные бойцы пусть стреляют прицельно, скажи, от того, сколько они положат первым залпом, зависят наши жизни, все понял?

– Так точно, я пошел? – Мурат вопросительно взглянул на меня.

– Да и пусть дадут тебе минут десять, ты сюда вернись. Поможешь. Передай, один залп и пусть внимательно смотрят. Мы здесь работать будем, чтоб нас случайно не покосили.

– Все ясно, – Мурат ушел.

– Ну что, Игорек, дадим фрицам по башкам?

– Дадим. Ты, командир, не думай, я не подведу.

– А я и не думаю. Подведешь, пристрелю! – без всякой злобы ответил я.

– Договорились, – сказал Игорь.

Через пять минут вернулся Мурат.

– Сейчас начнут.

– Мурат, я с этой стороны пойду, вы под мост и выходите с той стороны, только раньше не вылезайте, а то от своих прилетит.

– Ясно!

– На исходную, марш. – Сам вынул две гранаты. – Сейчас посмотрим, так ли страшны эти черти, – добавил я уже сам себе.

Вроде ждал начала, но треснувшая очередь из «дегтяря» заставила вздрогнуть. Даже не столько выстрелы, сколько лязг затвора режет слух. Вторая очередь, третья. Залп из винтовок, фрицы стали нестройно отвечать. Выдернул кольцо и бросил навесом гранату в сторону немцев, через секунду туда же полетела вторая. Грохнуло, по другую сторону моста раздалось два выстрела. Это уже мои, вскочил и стал вскарабкиваться на берег. Выглянув на мгновение, заметил, что Мурат с Игорем лежат и стреляют в сторону противника. На мосту два трупа, еще лежат несколько у дороги, осколками досталось, наверное. Дал очередь в сторону зенитки, расчет залег и стал стрелять в мою сторону. Краем глаза вижу, как кто-то кидает гранату, взрыв, зенитчиков больше нет.

– Ложись, дурень, – Игорь стоял во весь рост. Стреляю длинной, патронов на двадцать сразу, очередью в сторону БТРа, оттуда еще слышатся выстрелы в направлении леса. В ответ опять залязгал «дегтярь».

– Не высовываться, – пригибаясь к земле, делаю несколько быстрых шагов к БТРу.

– Н-на! – выдернув кольцо, кидаю гранату немецкому пулеметчику, тот в азарте даже голову не повернул, бахнуло. Вот почему наши из леса стали стрелять, по ним пулемет начал молотить. Огляделся, тихо.

– Чисто, Мурат, у вас как?

– Нет никого. Одни мертвяки, – со стороны леса уже шли наши. Зимин подскочил ко мне.

– Серег, все, у нас один убит и один ранен, легко.

– Как это? Вы чего там, во весь рост стояли? – я аж крякнул от удивления.

– Думали, что всех положили, только встали, а тут этот пулеметчик долбаный вылез, ну и...

– Блин, ну почему все через жопу-то? Так, быстро осмотреть трупы, если есть легкораненные – перевязать, руки связать веревками. Тяжелых – добить.

– Мурат, Игорь, вы собираете оружие, боеприпасы, особенно гранаты. Кто понимает в технике, осмотреть БТР, мотоциклы, – сам я пошел к зенитке. – Да, в БТРе прибраться надо.

– Серег, тут живой, чего с ним делать-то?

– Сань, а ну спроси его, чего они тут целым колхозом стояли?

Зимин что-то спросил у фрица, тот быстро лепетал в ответ.

– Говорит, что эти на БТРе, ждали какого-то майора, Ругге, что ли? Он куда-то дальше должен ехать. Скоро будет.

– Так, слушать всем. Планы меняются, – снять одежду с фрицев, ту, что почище. Скинуть трупы с обрыва и ко мне. Мурат, иди сюда – поможешь.

Когда казах подошел, мы с ним бросились к зенитке. Только успели ее развернуть в сторону моста и проверить заряжена ли, как прибежали парни. Раненого нашего оттащили в БТР, предварительно выкинув из него ошметки пулеметчика.

– Одеваемся, живо. – Мы быстро переоделись, нужны были в принципе только двое полностью одетые по форме, остальным хватило и кителей.

– Саня и ты, боец, – я ткнул пальцем в сторону одного бойца, – давай к мосту, будете за патруль. «Здоровый», возьми кого-нибудь и дуй к немецкому пулемету, – обратился я к нашему огромному пулеметчику. Мурат, мы на зенитку.

– Смотри, кто-то корячится? – Зимин вытянул руку в сторону, указывая на противоположный берег. Я повернул голову, на той стороне реки показались два мотоцикла и легковушка «Опель».

– Всем внимание, Саня, останавливаешь, дальше мы.

Парни у пулемета должны будут срезать мотоциклистов, а мы с Муратом наведем ствол зенитки на легковушку. Когда Саня махнул рукой и показал куда встать – ну чистый гаишник, только палки полосатой не хватает, – первый «байкер» проехал вперед и остановился, за ним пристроился «Опель», второй «байк» замкнул кавалькаду. Из открытого окна «Опеля» кто-то нетерпеливо и надменно выкрикнул, подзывая часового, и Саня, встав смирно, что-то бодро прогавкал в ответ. Высунулась рука с документами, Александр взял их в руки и поднял автомат.

– Валим их! – крикнул я пулеметчикам.

Прогремел МГ, Зимин выстрелил в водилу машины и перекатом ушел с линии огня. Второй наш боец тоже пригнулся, из легковушки пару раз выстрелил пистолет, но, видя наведенную на машину зенитку, бросил его в окно. Мурат очень быстро навел зенитку – веский аргумент.

– Саня, вытаскивай его! – Я уже бежал к ним.

Зимин вскочил и открыл дверь. Оттуда, весь сияя крестами и наглаженной формой, появился какой-то хрен и давай орать.

– Серег, он мне сдаться предлагает, жизнь обещает, – после небольшой дискуссии доложил Зимин.

– Это кто же нас в плен-то брать хочет, тот, что сам только что попался и стоит с поднятыми лапками? – усмехнулся я.

– Чего-то мелет, что нам всем уже конец и вообще мы свиньи.

– Ага, смелый, а для него все только начинается. Все мужики, хватит трепаться, вяжи его и в машину. Остальным собрать оружие, кидайте все в «Ганомат». Мотоциклы и трупы с обрыва. Мурат, ну а мы с тобой – фугас делать. Надо мост уничтожить, берег тут высокий, танкам так просто не переправиться. Хоть еще немного времени выиграем.

Закладку сделали из снарядов для зенитки, обложив их взрывчаткой, найденной в БТРе. Хорошо, что в кабине лежала и не взорвалась от гранаты в кузове. Саму зенитку тоже заминировали взрывчаткой. Когда все были готовы, отъехали метров на сто, а Мурат, с канистрой бензина, облил и поджег мост. Деревянный мост, горел замечательно, а когда дошло до взрывчатки, рвануло. Красиво, полностью обрушить, конечно, не получилось, но часть рухнула, остальное весело горело. Теперь немцам потрудиться придется, чтобы восстановить этот мост. А на это уйдет драгоценное время. Казах догнал нас, залез в БТР, и мы припустили во весь опор.

Посоветовавшись, приняли решение возвращаться. Дальше ходить не было нужды, кое-какие карты, а главное сведения и от майора получил. Второй раз мне уже «фартит».

Приехали в расположение уже в темноте. На трофейном БТРе мы произвели фурор. Люди привыкли уже, что их постоянно бьют, а захваченный трофей стал показателем, что и фрицев бить можно. Трогать сразу нас не стали, командиры очень обрадовались пленному. Майора утащили в штаб к комдиву, а мы рухнули спать.

Разбудили нас общим подъемом через два часа. Я еле-еле продрал глаза. Начальство требовало общий сбор. Остатки дивизии решено было срочно отодвинуть глубже в тыл. Наверное, немец чего-то нашептал. Потому что, отходили мы километров на десять и должны соединиться с мехкорпусом, встать у него на левом фланге. Это все мне рассказал командир роты, нормальный мужик, не зря он мне сразу понравился.

– И как прибудем, на доклад – к комдиву Лебедеву. Уж очень он послушать хочет.

– Ну, раз хочет, то конечно, – пожал плечами я.

– Молодцы, что погибшего увезли.

– Так на машинах возвращались, чего ж его бросать. А так хоть похоронили парня по-человечески. Сколько так осталось лежать и еще останется.

А останется много. Причем, охренеть можно, как много.

Глава 5

Дошли спокойно, отступать, не наступать. Один раз только в стороне самолеты пролетали – немецкие, конечно. Когда пришел приказ остановиться и занимать оборону, я отправился искать штаб. Остановились мы в какой-то деревне, местных почти не было, только парочка старух. По пути меня нашел сержант, порученец комдива, довел до деревянного дома, в котором расположился штаб дивизии, думаю, что ненадолго. Сержант вошел в дом и спустя несколько секунд вернулся, позвал меня.

Зайдя в дом, я поморщился от обилия звезд, ромбов и лампасов. Как на параде.

– Проходи, боец, – сделал приглашающий жест комдив.

– Товарищ комдив, красноармеец Новиков по вашему приказанию прибыл.

– Вольно, а почему красноармеец, я, кажется, подписал приказ о присвоении звания.

– Видно, в беготне не успели, товарищ генерал. Есть и поважней дела.

– На награды всегда должно быть время. Но, к сожалению, ты прав, сержант. Дел действительно много. Как показал захваченный вами майор, у немцев на нас такие силы собраны, что не расслабишься. Вы его с такой хорошей картой взяли, аж загляденье. Они идут прямым ходом на Ленинград, и войск у них, действительно много. Расскажи, как все прошло, немец уж больно обалдевший был от вашей наглости.

– Да ничего особенного, просто вежливо предложили проехать с нами, побеседовать.

– Ага, он аж захлебывался от возмущения. Они-то думали, что кругом свои войска, а мы – где-то в районе Гатчины. А тут вон как вышло.

– Ну, пусть они так всегда думают, нам проще, товарищ генерал, – высказался я и коротко обрисовал всю нашу вылазку в стан врага.

– Хорошо, сержант, свободен пока. Скоро будет работа, я думаю, пока отдыхайте, – генерал кивнул головой, видимо своим мыслям, а я вышел. Уходя, услышал слова комдива, которые мне очень понравились.

– Капитан, подашь на всю группу разведчиков представление, надо поощрить ребят.

Что ответил ротный, я уже не слышал.

А ночью всю дивизию подняли «как на пожар». Поступил приказ провести контрудар, с целью выбить немцев с тех высот, которые они оседлали. Якобы нельзя дать фрицам закрепиться.

– Серега, чего происходит, какое наступление, только что отступили, – это Игорь решил у меня узнать, что-нибудь. Как будто я знаю больше.

– Я думаю, что высокое начальство решило потрепать наступающего нам на пятки врага.

– Это как? Чем? У нас же ни танков, ни людей.

– Я думаю, они хотят, чтобы мы оттянули на себя побольше немецких войск, а затем ударить во фланг, ну это я так думаю.

– Значит все, здесь все и закончится?

– Ну, еще подергаемся, мысли шире.

– Так нас здесь всех и положат. У них же танков куча, а мы с голой жопой, – настрой Сеницына меня не удивлял. Если честно, я и сам думал так же. Но нужно держать марку.

– Сеницын, товарищ Сталин сказал: «Нужно быть очень храбрым человеком, чтобы быть трусом в Красной Армии!» – вот так, вспомнилась отличная фраза из хорошего фильма.

– Да я не боюсь, просто обидно вот так сгинути, ни за грош.

– А ты подвиг соверши, – вставил свои пять копеек Зимин, – продай жизнь подороже.

– Хорош базарить, пошли собираться, – прервал я этот балаган.

– Где найти сержанта Новикова? – раздался рядом чей-то голос.

Мы все обернулись. Перед нами стоял красноармеец и, отдышавшись, проговорил:

– Срочно к командиру роты.

– Ну, пойдем, я Новиков, – ответил я и поправил ремень.

Солдат развернулся и быстро пошел, надо думать к командиру. Я так же быстро спешил за ним. Перед входом в штаб застегнул верхнюю пуговицу и, придерживая пилотку, вошел внутрь. Прищурившись и оглядев присутствующих, доложил:

– Сержант Новиков по вашему приказанию прибыл!

– Садись, сержант, – ротный кивнул на стол, там лежала большая карта, – смотри сюда. Станция Карташовская, перед ней лесок. А вот справа от леса есть небольшая балочка. Летом там болото, и вроде выходит, что немцев там нет. Но нужно проверить.

– Так сами говорите, что болото, значит и сейчас никого, дожди идут, там и не пролезешь, наверное.

– Вот ты и проверишь. Выходите прямо сейчас.

– Есть, разрешите идти? – Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Отдохнули.

– И еще, Серега, – перешел капитан с командного на обычный человеческий и прервал мои мысли, – языка бы взять, понимаю, что сложно, но ты у нас везунчик. Генерал Лебедев лично просил помочь. Дело такое, там уже пропала группа наших бойцов. Будьте предельно осторожны.

– Хорошо хоть предупредили, будем как мыши.

– Иди, сержант, удачи.

– Спасибо, тащ капитан.

Я вышел из землянки и задумался. Придя в расположение, сказал парням, что выходим, и достал карту. Минут десять вглядывался и пытался предположить, что там и как.

«Балочка, балочка, как ты к себе манишь. Что ж, попробуем».

Вышли мы через двадцать минут, идти было тяжело. Усталость давала о себе знать. Немцы стояли близко, предстояло обогнуть болото. В общем, дошли до начала оврага часа за два. Овраг глубокий и длинный, конца не видно. Можно танки спрятать, не то что пехоту. Блин, тишина, ни звука, ни огонька. Стоп, как ни огонька, а это что?

– Серый, впереди в кустах вроде кто-то сидит, как будто от сигареты огонь видел, – сказал Зимин и показал на кусты слева.

– Точно, командир, я тоже видел, – а это уже казах. – И запах чую.

– Блин, ну ты у нас фрицев за версту чуеть. Всем внимание. Рассредоточиться, наблюдаем.

Выходило, что любой, кто пойдет по оврагу, непременно окажется под огнем из этих кустов. Знать бы, сколько там немчуры и что там дальше?

– Мурат, Ваню, давайте назад и попробуйте сверху их обойти, только по болоту, слева. Там вы останетесь незаметными.

Ваню Ревивили, еще один наш боец, тот самый – «Здоровый». Грузин по национальности, но всю сознательную жизнь провел под Вологдой, обладал огромным ростом и широкими плечами. С его габаритами сразу же стал пулеметчиком, а кому еще? Парни ушли, а я задумался.

Чего бы это немцам в болоте сидеть, комаров кормить? Или тут у них «гнездо»? Парни пришли минут через двадцать.

– Там трое, при пулемете. Мы далеко не смогли пройти, болото.

– Твою дивизию, эти «туристы» нам все дело портят, другой дороги нет.

– Слышь, Серый, – предложил Зимин, – а может, сверху гранату им в подарок?

– И через минуту к нам десять прилетят. – Нет, они тут не просто загорают, там дальше железка где-то. Они передовыми стоят, скорее всего.

– Ну, если наш казах задом чует, то конечно, да. Так, слушай меня, идете обратно наверх, готовите пару гранат, увидите меня – сидите тихо. Если начнут дергаться или стрелять захотят, валите их.

– Ты чего задумал, командир? – спросил казах.

– А чего тут еще придумаешь, к ним пойду, спрошу, чего они тут сидят, может, скажут.

– Сдурел? Они же тебя в момент, даже чирикнуть не успеешь. Как увидят, что кто-то ползет, сразу и накроют.

– А я и не поползу. Все, вперед.

Сам встал, отдал ППШ Сане Зимину, снял ремень, нож оставил в сапоге и зажал в руке гранату.

– Серег, может, я пойду? Я и немецкий знаю.

– То, что мне надо им сказать, я и сам скажу, поймут, у меня аргумент есть. И показал гранату. Если, чего валите этих, посмотрите метров на сто и уходите домой!

Пройдя несколько шагов, я услышал возню и грозный окрик на немецком.

– Нихт шиссен, ниht шиссен! Капитулирен! Гуд млеко, яйки, сало! – выдал я.

– Ком, русише швайне, ком! – почти сразу мне ответил насмешливый голос.

Один из немцев вышел ко мне навстречу и, смеясь, встал в метре от их укрепления, в виде мешков с песком. Оружия при нем не было. Второй сидел за пулеметом, но не целился. А третий и вовсе сидел на ящике и не думал вставать. Наверное, я не первый.

Когда я подошел вплотную, то эфку подкинул навесиком к ним за мешки.

– Ахтунг, гранатен! – Те фрицы, что сидели за мешками, как-то быстро кинулись на землю, а тот, что вышел ко мне, застыл как статуя. Быстрым движением руки я выхватил из сапога нож и, распрямляясь, всадил снизу вверх немцу в живот, он даже не дернулся. Быстро перескочил за бруствер – немцы, лежа на земле, пялились на меня. Откуда им было знать, что граната без запала? Я заранее наделал себе разных штучек с феньками, как делали в моем мире, а скоро начнут и здесь. Подхватив лежавший на бруствере карабин, направил его на немчуру.

– Хенде хох! – Ко мне уже бежали все ребята. Быстро спеленав гансов, огляделись. Да, сам одурел от такой наглости. Ни фига ведь не осознаю, что я на войне. Какой-то дикий задор присутствует.

– Сань, давай спроси их, вон у того с нашивками фельдфебеля, что они тут делают и сколько их всего? Где железка и патрулируют ли ее? А я отойду, чего-то мне опять нехорошо как-то.

– Не привык еще, командир, – хмыкнул кто-то из ребят. Привыкнешь здесь...

Пока Зимин допрашивал немцев, остальные собрали оружие, спрятали под куст «готового» фрица и ошетинились стволами во все стороны. Ваню подхватил вражеский пулемет. Здоровья в грузине на четверых, пускай таскает. Я уже освободил и так не шибко нагруженный желудок, и прислушался к допросу пленных, все-таки повезло мне с Саней. Немчура наперебой заливалась соловьем. Через слово звучало, ниht шиссен, арбайтен, капитулирен и прочее – сдаюсь, сдаюсь!

– Чего они тебе втирают? – с усмешкой спросил я.

– Чего делают? – Зимин уставился на меня. – Серый, ты иногда так говоришь... Вроде по-русски, а ни хрена не понятно.

– Не бери в голову. Спроси лучше, когда у них смена и сколько до расположения?

– Восьмая танковая дивизия, стоят рядом, в километре. Они знают, что здесь болото, поэтому тут только два поста. Второй ближе к расположению, здесь передовой дозор. А охраняют подходы к железной дороге. Там вчера диверсия была, пути разобраны. А на путях эшелон с горючкой и боеприпасами. Горючее для танков. Оно в бочках. Под тентами.

– Во как! Это все он тебе рассказал? Связь у них есть? – Я лихорадочно соображал.

– Нет, передатчик вечером сломался, со сменой должны принести новый.

– Это мы удачно зашли. Когда у них смена?
– В шесть утра.
– Сколько идти до места, где хранят топливо? – я посмотрел на часы.
– Говорят, десять минут, максимум.
– Он знает, какая там охрана?
– Два пулемета и БТР, две зенитки. Двадцать человек, – Саня еще что-то спрашивал, а я думу гонял. Как бы туда пролезть? До смены час. Попробуем опять переодеться.
– Серега, чего задумал? Немец говорит, что будет большой шум, когда прибудет смена.
– Сань, спроси его, жить хочет?
Зимин спросил, немец затряс головой и что-то загавкал.
– Говорит, что поможет, если заберем с собой!
– Куда с собой? – не понял я.
– Так в плен говорит, берите, а иначе его расстреляют и родных посадят.
– Ладно, сделаем так: второго утащите и свяжите пока. Саня, переодевайся, Ваню, снимай с того, что побольше, одежду, должна подойти, с нами идешь.
– Серега, гасить смену будем?
Зимин воспользовался моим словечком, видно, запомнил когда-то.
– Да, спроси, разводящий у них есть?
– Он и так уже сказал, фельдфебель Кашке.
– Ну ладно, поклонник Тельмана, смотри. В страшном сне ты не видал такой смерти, какая тебе уготована, если что не так пойдет! – Зимин перевел, а фриц опять что-то залопотал и стал отчаянно трясти гривой.
– Смотри шею не сломай, – ухмыльнулся я.

Мы с Муратом укрылись в кустах, в темноте не увидят, а парни вместе с фрицем уселись за бруствером. Ровно в шесть утра показался сменный караул. Ордунг превыше всего! Солдаты шли спокойно, но без разговоров. Старший наряда грозно поглядывал по сторонам. Не доходя нескольких метров до поста, остановились, неужели что-то заподозрили? Прозвучала команда на немецком, спрашивал наш пленный. Ему ответил разводящий караула. Голос твердый, но не громкий. Новые солдаты направились к укрытию и, поравнявшись с нашими бойцами, что-то спросили. «Тельмановец» быстро ответил, что-то пробурчал Саня. «Сменные» подозрительно посмотрели, но Саня и Ваню уже прошли мимо и, подойдя к разводящему, который снимал карабин с плеча, кинулись на него. Остальные новоприбывшие были на нас. Мурат кинул нож в одного и бросился следом, а я уже подбегал к другому. Ни один не успел выстрелить или хотя бы заорать.

– Чисто, – крикнул Ваню.
– Чисто, – Мурат подтвердил.

Обойдя по кругу побоище, я с удовлетворением отметил, что все прошло отлично. Достав гранату, я подошел к разводящему и, скорчив грозную гримасу, засунул ее ему в карман. Снаружи оставил только скобу и кольцо, взял его двумя пальцами. Немчура попытался, что-то сказать, но с забитым в рот кляпом, сделать это как-то не получалось.

– Саня, скажи ему, будет орать, я выдерну кольцо.
– Он все понял, – Саня вырвал тряпку изо рта у немца и тот что-то проскулил.

– Пошли, – подталкивая фельдфебеля вперед, мы двинулись дальше. Пленного фашиста, которого взяли раньше, связали и оставили пока в кустах, обещая взять его на обратном пути. Шли недолго, Саня сразу сказал немцу, чтобы тот довел до железки. Железную дорогу еще не было видно, как немец показал на тропу, по которой ходил патруль. Мы ушли в сторону. Не доходя метров ста до тропы, фельдфебель указал на видневшуюся под деревьями колючую проволоку, натянутую на растущие деревья. Правее, возле забора стоял «Ганомат», пулеметчик виден не был.

– Спроси этого, чего здесь за заборы посреди леса и сколько охраны? – Зимин перевел мой вопрос, немец шустро ответил.

– Говорит, двадцать человек, но на посту только четверо, возле пулеметов. Их только что сменили. Те, что сменились, ушли в расположение. Остальные должны спать, так как опасности нет, немцы не предусматривают усиленный караул. Здесь немцы перегружают на грузовики горючку.

– Ага, как на курорте устроились, тем лучше. Саня, иди с ним к первому пулемету, Ваню, с ними иди. Режьте их по-тихому. А мы к дальнему посту пройдем.

Мы разделились, немцы у пулемета смотрели на нас, явно ожидая чего-то, но мы спокойно прошли мимо, направляясь к их коллегам. Те, решив, что мы свои, так как первые не подняли тревогу, расслабились. А зря! Когда мы приблизились на расстояние прыжка, немцы увидели Мурата. Нет, он не страшный, он казах и это они разглядели уже умирая.

– Вот и все, – сказал я, вытирая нож. В какой-то момент я заметил, что перестаю испытывать отвращение к убитым мною людям.

– Серый, палатки еще.

– И «ганомаг», – я был ближе к палаткам. Махнув рукой Мурату, двинулся к палатке и тут вылез ОН! Я не успевал никак. Оружия у него не было, и толстый фриц, в два меня, смотрел на меня и уже раскрывал рот, чтобы заорать. Нож пролетел мимо меня как молния, вошел в грудь борова, но не убил его. Иди, проткни такое сало. Но я был уже рядом и со всей дури, долбанул прикладом ему в лоб. Череп хрустнул так, что, наверное, за километр было слышно. Влетев в палатку, я просто дал длинную очередь, скосив всех. Те, кто уже вставал, и те, что еще лежали, даже не успели понять, что происходит. К ним просто пришла смерть.

Мурат аналогично поступил со второй палаткой. Да и глупо было рассчитывать завалить двадцать человек без стрельбы. Зимин просто кинул гранату в БТР, а потом добавил из автомата в раскрывшиеся двери.

– Оружие не берем, рвем отсюда!

Подбежав к вагонам, охраны рядом не было, рубанули издали очередь из МГ по бочкам, тут их под маскировкой, на целую дивизию. Быстро зажгли выливавшийся на землю бензин и стали драпать. Дойдя до бочек, огонь сделал свое дело. Бочки с горючим загорелись, а затем начали прилично бухать. Зарево поднялось, наверное, до небес. Сначала даже залюбовались. Бочки, как ракеты взлетали в ночное небо неся за собой огненный хвост.

– Хороший у немчуры бензин! – сказал Ваню. – Вон как горит.

Со стороны немецких позиций началась стрельба, полетели в небо осветительные ракеты.

– В кого они там стреляют? – Мурат говорил спокойно, несмотря на то, что мы уже минут десять бежали как сайгаки. В овраге прихватили оставшихся немцев и наших бойцов. Остановились только тогда, когда даже выстрелы почти смолкли.

– Во блин, старый я стал для такой физкультуры! – Я еле дышал – надо бросать курить, а то сдохну вот так, посреди болота.

– Все тихо, за нами никто не пошел.

– Так там не проехать ни на чем, – я сплюнул и, глотнув из фляги, сказал: – Дальше шагом. Вперед! Фрицы нас здорово стесняли, сам я выдохся и пленных уже давно тащили наши бойцы. Блин, такое молодое тело попало, а все прокуренное. С рождения, что ли, курил мой донор. Я в тридцать себя так ощущал.

Вернулись мы с рассветом, мне сразу пришлось идти на доклад. Парни сдали на руки особистам немцев и пошли спать.

– Вернулись?

Как-то тяжело спросил капитан.

– Задание выполнено, – командир явно недоволен, надо быть осторожным.

– Ну и дел вы наделали, товарищ сержант. Весь фронт на уши поставили.

– Когда это мы успели? – растерянно спросил я.

– А ты не дерзи! – раздался голос из угла землянки. – Больно ты разговорчивый.

– Виноват! Товарищ политрук. Просто не понял, что я такого натворил?

– Разберемся! – так же грубо бросил политрук.

– Вас послали тихо разведать пути подхода к позициям противника, а вы занялись самодеятельностью. Противник нас опередил, немцы начали наступление, а у нас войска не готовы к обороне. Мы же должны были наступать, – начал свой наезд капитан.

– Преступная халатность, расслабились. Как же, комдив похвалил, разведчики бя! – а это опять «любимый» политрук.

– Даже мысли такой не было, – я уже боялся вообще рот открывать. – Разрешите обратиться к товарищу капитану, товарищ политрук?

– Что, мало наговорил? – особист не унимался.

– Товарищ политрук, да вы немцев допросите, они рассказали, что утром будет наступление восьмой танковой дивизии вермахта. Именно на наши позиции. Они уже знали о наших планах, поскольку, к сожалению, взяли наших разведчиков, предыдущую группу. Этот разводящий фельдфебель сам участвовал в их задержании. Мы уже собирались нестись во весь опор обратно, но мне лично стало интересно, что они в болотах делают? Ну, а когда узнали об эшелоне и топливе, решили его сжечь, чтобы немцев осадить. Куда они без топлива? Думаю, что они и полезли-то только для того, чтобы попытаться у нас разжиться бензином. Просто у них его больше нет, там было очень, ну очень много бочек. Чтобы столько накопить, им теперь неделя понадобится, притом, что никуда ездить не будут. Решение принимал лично я, на боях вины нет, они выполняли приказ. Готов понести любое наказание...

– Что, все топливо сжег? – раздался голос за спиной.

Я резко повернулся и обомлел, на меня смотрел высокий мужчина, в кожаном плаще нараспашку, а под ним виднелись знаки различия майора госбезопасности. Ого, вот это птица. Наверное, из штаба армии, а то и фронта. Только этого не хватало.

– Ну, судя по тому, что было светло как днем, горело знатно, – я решил говорить, как есть.

– Так ты и есть тот удачливый сержант, который появился не известно откуда да еще и обстановку просчитываешь так, как не каждый генерал может? – подозрительно посмотрел на меня «Полковник», так и буду его звать.

– Да ну, это преувеличение, товарищ майор госбезопасности, – стушевался я, не зная, что сказать.

– Что, врут все, что ли? – улыбнулся и прищурил один глаз Полковник.

– Смотря о чем. Просто со своей «колокольни» пытаюсь анализировать и воплощать то, что по силам. Товарищ майор госбезопасности.

– Я, как ты заметил, майор госбезопасности, зовут меня Истомин Александр Петрович. Мне нужно с тобой переговорить с глазу на глаз.

О, как! Не допросить, а поговорить, да еще наедине.

Все тотчас же вышли из землянки. А майор огорошил меня с ходу, как только вышел последний. Причем огорошил, мягко сказано. Я просто впал в ступор.

– Откуда и кто ты? Про местного добровольца можешь не плести, сэкономишь время, которого нет. Ты – чужой! Все люди, с кем ты контактируешь, заметили это. Да и политрук твой шороху навел. Наши люди провели быструю проверку, твоя легенда – липа.

– Что, так заметно?

– Естественно. Говоришь, двигаешься совсем по-другому. А уж наглости у тебя на целую роту хватит! Вот блин, как это по-другому, я что, задом наперед хожу что ли?

С минуту я размышлял. Только успел здесь появиться, сразу в бой. Потом разведка, сержанта дали, все это пролетело как один миг. Да, не думал я, что так быстро раскроют, но,

видимо, пришло время все рассказать. Нет, можно дуру валять, конечно, но только долго ли смогу. Уберут с фронта, как пить дать, и кому я лучше этим сделаю?

Глава 6

– Я Новиков, Сергей Сергеевич. Товарищ майор государственной безопасности, не стреляйте в меня, по крайней мере до конца рассказа, – попросил я.

– Постараюсь. Только это зависит от тебя. Ну и потому, что мне очень интересно узнать о тебе, да и не только мне.

– Ну, так вот: фамилия, имя, отчество – настоящие. Родился я... в 1980 году...

Майор вдруг как-то странно сморщился, поперхнулся дымом папиросы, которую закурил. Глаза у него хлопнули, а челюсть поползла вниз. Я представил себя на его месте. Достал бы «ТТ» и хлопнул бы такого «рассказчика».

– Как это? Ведь это только через сорок лет будет, – чуть не по слогам проговорил он.

И я стал рассказывать все, что и как со мной произошло. Майор не перебивал, только когда за час выкурил всю пачку папирос, достал вторую из планшета и предложил наконец закурить и мне. Я не отказался. Когда я дошел до того, как первый раз говорил с ротным, предлагая сходить в разведку, и как подталкивал его к принятию мер против окружения, он остановил меня в первый раз.

– Значит, там у вас тоже была война?

– Да не там у нас, а здесь и была, идет сейчас – если точнее. Видимо, я провалился во времени. Может, там, в своем времени, я погиб от той гранаты. Получается, откуда-то свыше мне дали второй шанс, чтобы хоть чем-то помочь предкам. Я решил попытаться изменить ход событий. Все эти люди, солдаты и командиры, погибли в моем времени. У соседей вышло более удачно, так как отходили они первыми, планомерно с тяжелыми боями. А «наша» – 235-я, прикрывала их отход и не успела отойти. Дивизию расформировали в декабре 1941 года. А фактически ее не было уже в октябре. Потом ее снова соберут, второе формирование будет, по моему, в 1943-м, и все, кто сейчас здесь воюет, должны погибнуть. А мой дед будет числиться, как я уже говорил, пропавшим без вести. Не знаю как для вас, а меня коробило от этих слов.

– А дед-то жив еще? – майор смотрел на меня тяжелым взглядом уставшего и ошарашенного человека.

– Да, ведь он вместе со всеми служит. В батальоне связи, но я его знаю здесь, как связиста нашего капитана.

– Ну и каково это, видеть деда ровесником? – непонятно, смеется он или издевается.

– Да не совсем ровесником. Там мне было тридцать два, а здесь восемнадцать лет. А ему двадцать восемь.

– Все равно, небольшая разница.

– Да, поначалу все порывался назвать дедом, еле контролировал себя, а сейчас уже привык. Что теперь будет, товарищ майор?

– Даже и не знаю. По идее, лучше бы тебя убрать, по-тихому. Чтобы не болтал лишнего. Но в то же время вдруг чего полезного сможешь рассказать о будущем. Да и наверняка сможешь. Я обязан доложить, но пока не знаю как.

– Раз обязаны, тогда, конечно да. Надо докладывать. Там, – я показал пальцем вверх, – есть кому думать.

– Я выезжаю сегодня. Ты сиди тихо, никуда не лезь. Я предупрежу, чтобы тебя не трогали. И еще, не обращай внимания на этого идиота, политрука вашего. Не перечь, а то шлепнет еще, без всякого разбора. Он дальше собственного носа не видит. Дело вы провернули нужное, я лично представление напишу.

– Да что уж там, сделали то, что посчитали правильным. Война идет. И долго еще будет идти, – растерянно проговорил я.

– Когда кончится? – Я уж думал не спросит. Но полковник тут же передумал: – Нет, не говори, как-нибудь потом.

– Разрешите идти?

– Иди и позови мне этого воина, политрука вашего.

– Есть!

Майор посмотрел на меня с интересом, но даже не поморщился. Пусть привыкает, недолго осталось.

Я вышел как из бани, а если он доложит и ему поверят? Меня, наверное, в Москву повезут. А там трясти будут, как липку. Ну, в принципе-то ясно, такой шанс для нынешних руководителей, узнать хоть что-то из будущего. Я хоть и не профессор истории, и не изобретатель оружия, но историю всегда любил и помню многое. Тем более по деду занимался очень плотно, последние два года так вообще.

А наступление-то немцы остановили, видимо, запоздал у них общий приказ об отмене. Горючего-то у них – нет!

Меня встречали друзья разведчики. Да мы и вправду уже друзьями стали. Чего стоили в наши продажные двухтысячные – друзья, да не было их, настоящих друзей. Так, приятели, не больше. А здесь люди настоящие, не избалованные деньгами и разными благами. Каждый из тех, с кем я воюю, за меня готов пулю поймать. И я за них так же, не задумываясь. Подружились мы больше всего с Зиминим и казахом Муратом. Но меня все глодали мысли, что я их обманываю, не говорю, откуда я.

– Ну что, сильно продрали? – спросил Саня, когда я вернулся.

– Да нет, там сейчас интереснее будет.

– А чего там такое? – Мурат сделал удивленные глаза.

– Там майор ГБ нашего дебила политрука без вазелина пользуется. – Ребята уже привыкли к моим высказываниям. Все сказанное всегда оставалось между нами. Это, кстати, огромный показатель, ведь должны и обязаны в отчетах все писать.

– Так нам чего будет? А то у нас оружие забрали, напугали.

– Как будто у тебя, Мурат, больше ни одного ствола нигде не припрятано?

– Ну, отобрали-то они личное, которое выдавали.

– Угу! И трофеев мешок еще где-то припрятал, – не сдерживая смех, сказал я.

– Зачем так командир, это для всех, на всякий случай.

– Молодец, пошли в землянку.

Когда мы оказались в землянке, увидели картину. Ефрейтор Базаев, сидя в центре круга из зрителей, что-то напевал под аккомпанемент настолько расстроенной гитары, что я невольно передернулся.

Ефрейтор прервался, поймав мой взгляд, но я замахал руками.

– Продолжай, продолжай!

Парень запел дальше, а я, постояв немного, все же не утерпел. Протянул руку и потрогал за плечо гитариста.

– Дай гляну.

Тот без слова передал мне гитару, а мои товарищи взглянули на меня. Певец опять остановился.

– Исполните что-нибудь, товарищ сержант.

– Да я просто хотел гитару чуть подстроить, ведь звук как в кабинете у зубного врача.

Парень поет так душевно, а музыка сердце режет.

– Чего, типа настройщик? – зло спросил какой-то солдат.

– Да умею немного. А что, это плохо?

– Грамотные все больно.

– Да ладно, не рычи. – Злые все вокруг, да и понятно от чего.

Взял гитару и мельком осмотрел ее. Да, хоть и старая, но в приличном состоянии. Видимо, ее здесь берегут лучше, чем себя. Гитара была вообще не настроена, пришлось пару минут покрутить колки. Зато, отстроив, провел по струнам и увидел оживление у сидящих солдат. Затем увидел в углу землянки скромно сидевшего парня, с шикарной гармонью на коленях. Он тихо сидел и скучал. Я окликнул его:

– Гармонист, чего нос повесил? А ну, возьми аккордик!

– Как это? – парень, видимо, был самоучкой, как и все в этом времени. Глупо было думать, что многие знакомы с нотной грамотой. Я подошел и показал сочетание клавиш, которое мне было нужно.

Он послушно выполнил. Удовлетворенно кивнув, я быстро подтянул струны в унисон с гармошкой. Получилось на ура.

– Брат, тебя как звать?

– Красноармеец Петров, Олег, а чего?

– Сможешь подхватить за мной, будет – здорово. Давай потешим товарищей.

– Попробую.

И я провел по струнам, взяв первый аккорд:

Струйкой дым понесла тишина,
Запечалилась в небе луна.
Ну и пусть впереди западня,
Главное, что есть ты у меня!

И далее по тексту, да простит меня в будущем Матвиенко, Резник и Коля Расторгуев!

Когда закончил первую песню, в землянке было так тихо, что я даже вздрогнул. Первым опомнился Саня Зимин.

– И ты раньше молчал? – глаза у друга горели огнем.

– Так и некогда вроде было.

– А еще можешь? Чтобы так же за душу брало, – а это уже ворчливый солдат, который меня «настройщиком» обозвал.

– Да, пожалуйста! – И начал:

А на войне, как на войне
А нам труднее там вдвойне —
Пусть взойдет над сопками рассвет!
Мы не прощаемся ни с кем,
Чужие слезы нам зачем —
Уходим в дождь, уходим в ночь, уходим в снег.

Когда пропел «Батальонную разведку», подумал: «Теперь, наверное, про другую разведку в будущем напишут».

Парней надо было видеть. Все были в шоке, а гармонист, молодец, подхватил с первых строк. Получилось – закачаешься! Еще бы вторую гитару да пару барабанов...

Ну ладно, ладно, просто помечтал. Я ведь всю юность в ансамбле играл. По кабакам и небольшим клубам. Играл я, правда, хорошо, а научился сам, еще в десять лет. Взял гитару, попросил показать пару аккордов. Через месяц уже всю лабал. Потом недолго проучился в музыкалке, ушел, надоело классику играть. Знаю, дурак, сто раз уже жалел.

Когда в землянке стало нечем дышать, народу набилось как селедок в бочке, вышли на улицу. Начальство прознало и тоже пришло, и хлопало наравне с солдатами. А уж ротный

хлопал так, что я думал, из штанов выскочит. Исполнял я в основном любимое: Любэ, что-то из ДДТ, Кино. Ну и прихватил немного песен этих лет.

Последней была «Темная ночь», Утесов с Бернесом и так известны, споют что-нибудь другое. Все были в шоке. Нас с гармонистом качали, подкидывая, как могли, все думал, вот сейчас не поймут и все, наказание за то, что присвоил чужие песни. Я ведь между делом сказал, что песни мои. Ну и ладно, что уж теперь.

– Ну, ты даешь, сержант, – хлопали по плечам и жали руки бойцы.

– Да я не один, вон Олег помогал, – я указал на гармониста.

– Но песни-то твои. Молодцы, ребята, – ротный сиял как самовар, который чистили неделю.

После обеда меня вызвали к энкавэдэшному майору. Тот сообщил, что закончил дела и убывает. Напомнил еще раз, чтобы я никуда не лез. Я обещал, сказал, что буду ждать своей участи и петь песни, может, в последний раз. На что он сказал, что я зря думаю плохо о высшем командовании.

– Если ты говоришь правду, а я-то в это уж точно верю. Половину из твоих песен можно написать только в мирное время. Их никто и никогда не слышал, вряд ли ты соврал. Как бы это не сказочно выглядело, но я тебе верю. И постараюсь сделать все, чтобы поверили другие. Ибо считаю, что это очень важно и необходимо. Ты можешь мне сейчас что-нибудь такое написать, что будет происходить где-нибудь на фронте в ближайшее время?

– Я уж и не знаю, стоит ли? Ведь я и так изменил ход истории. Может, уже она сместилась так, что все идет по-другому. Ведь все эти люди должны были погибнуть, может, и вы тоже, вашу фамилию я просто не встречал в книгах.

– Может, и так. Но я не думаю, что это настолько глобально.

– Да, я могу подсказать, какие ученые и в каком направлении работали так, чтобы страна скорее поднялась. Могу вспомнить и указать некоторых особо отличившихся военачальников. Некоторые сражения помню достаточно хорошо, только вот, сколько в них правды. Сведения, находящиеся в открытом доступе, содержат кучу неточностей. Знаю я, конечно, очень мало, но в чем-то помогу однозначно.

– Главное, что ты у нас оказался, а не у врага.

– А чего мне там делать, когда у меня здесь четыре деда – это только из самых близких – воюют на разных фронтах. А без вести пропасть должен был только Иван Потемкин.

– А остальные, погибнут?

– Да нет, вернуться. Двое из них, родные братья Ивана. Они мои деды, по материнской линии, а еще один по отцовской. Тот, что по отцу, будет дважды ранен и, очень долго будет лежать в госпиталях, а затем всю оставшуюся жизнь – лечиться. Он так и умрет, с осколком танкового снаряда в легком. Вот так. А то, что вы просите, я уже давно накидал на бумаге. То, что вспомнил, конечно.

– Можно взглянуть?

– Да вот, пожалуйста, – я достал из кармана, сложенный тетрадный лист, взял его у Ивана, еще пару дней назад.

Майор развернул бумагу и, прочитав первые строчки, поднял глаза:

– Вот только не надо, так на меня смотреть, да я знаю, что говорю. Дойдут немцы до Москвы, но не войдут, а в декабре мы откинем их от столицы. Но вот дальше нужно будет быть очень осторожными, чтобы не повторилось то, что было в моем времени.

– Ленинград точно не возьмут?

– Точно, но он будет в кольце блокады 900 дней. Город сильно пострадает от бомбежек и артобстрелов, умрет от голода и ран очень большое количество мирных жителей. Но город устоит! Опять же нельзя допустить многих ошибок, при попытках его деблокады. Они нам

аукнутся позже, когда появится Русская освободительная армия. Очень большой объем работы нужно провести.

- Я сам из Ленинграда, у меня там семья. Жена, родители, дочь!
- Будем надеяться, что все обойдется. Бадаевские склады...
- Уничтожены, да, вряд ли бы об этом знал, не будь ты из будущего.
- Вот и я про тоже.
- Ладно, иди, отдыхай и помни свое обещание. Я скоро вернусь.

Глава 7

Наше доблестное начальство решило воспользоваться удачным стечением обстоятельств. На следующий день после нашего рейда части 111-й дивизии, совершив небольшой марш-бросок, ударили во фланг и лоб восьмой танковой дивизии немцев. Давая тем самым возможность для удара нашей дивизии. И генерал Лебедев не упустил этот шанс. Так как 111-я ударила во фланг и приняла на себя удар, немцы были вынуждены реагировать и разворачивать войска для отражения этого выпада. Растянувшись и подставив таким образом другой свой фланг под прямой удар нашей дивизии. Топлива у немцев не было, и они были ограничены в маневре. А у нас все-таки была пехотная дивизия, с приданной в усиление 24-й танковой. Плюс успели подвезти немного снарядов для артиллерии. Танкисты брали пехоту на броню и с ходу проламывали немецкую оборону, так как те просто ее не успели создать. Контрудар получился, и это облегчило положение нашим войскам.

Меня отправили в обоз. По приказу большого начальства, участвовать в наступлении я не мог, хотя и просился. Во главе моего отделения поставили Зимина, он был достаточно умным человеком и повоевал побольше моего. А я тащился вместе с кухней, реммастерской и санитарями. Конечно, наступление не могло быть без жертв, но их было бы больше, если бы мы не уничтожили запасы топлива у фашистов. Все же было очень страшно смотреть на такое количество убитых и раненых. Я помогал перетаскивать и тех, и других. Стирал и кипятил бинты, делал много того, что не видят глаза солдата, стоящего в строю. Это очень страшно. Только бинтуют одному бойцу простреленную грудь, как он умирает, бинты сматывают, стирают и наматывают другому, едва они высыхают. Да, врачи и особенно девчужки санитарки очень выносливые. Обычному человеку такое зрелище не вытерпеть.

Наступление было задумано, как я понимаю, не для того, чтобы разгромить или отодвинуть врага подальше. На это просто не было ни сил, ни средств. А скорее для выбивания у немцев танков и уничтожения складов. Надо признать, Лебедеву это удалось. Хоть и ценой больших потерь. В первый же день боев наши вклинились на три километра в глубь немецкой обороны и, нанеся серьезные потери противнику, отошли, не давая себя окружить. Более того, отходя, устраивали засады и выбивали у немчуры танки, во время их контратак. Надо сказать, что мы уже учитывали свои промахи и старались вести себя умнее. 111-я дивизия, начавшая всю эту кашу, понесла более серьезные потери, не оголила наш фланг, а планомерно отступала вместе с нами. С какой-то стороны, мы зря это затеяли, но в то же время полнокровная танковая дивизия немцев превратилась в ничто. Ее придется выводить на переформирование. А это уже хорошо, так как сократилось количество танков, в непосредственной близости к Ленинграду. Какое-то время, у фашистов уйдет на переброску войск в этот район, но и наши подтянут свежие войска.

Через неделю, три последних дня из которой ушли на отдых, появилось высокое начальство. Известный мне майор НКВД нашел меня в санбате. Увидев его, я сразу понял, что он меня сейчас отсюда заберет.

– Здравствуй, Сергей, – устало произнес он.

– И вам того же. Как мои дела, совсем хреново?

– Не знаю, как это правильно оценить. У меня приказ доставить тебя в Москву.

– На Лубянку или сразу в Бутырку, куда там у вас сажают?

– К Лаврентию Павловичу. Хочет с тобой познакомиться.

– Блин, может, я здесь останусь? Здесь хоть пользу какую-нибудь принесу, а там просто сгину.

– Да не все так плохо, как ты себе рисуешь. Если бы хотели тебя просто встряхнуть на предмет знаний будущего, то для этого было бы достаточно обычного следователя. Поверь,

разговорят, но тут дело другое. Товарищ Берия просто так к себе не позовет. Да расслабься ты, сержант.

– Вам легко говорить, а мне так тупо страшно. Такого про НКВД в наше время начитался и наслушался, так хоть живьем в гроб ложись.

– Собирайся, скоро едем.

– Нищему собраться, только подпоясаться, – процедил я сквозь зубы.

– И все потомки у нас такие остроумные? – заметил Истомин, прекрасно слышавший мою тираду.

– Большая часть, там жизнь такая. Кто не шутит, тот быстро зачахнет. Зато у вас слух хороший.

– Ну, готов?

– Пойдемте, по дороге с мужиками попрощаюсь и все.

– Хорошо.

Я быстро нашел Зимина, парни были недалеко, ждали. Я попросил Саню приглядывать за дедом, сказал ему, что поймет потом. Вот так, догадайся. Меня дружно похлопали по спине, и мы с майором уселись в машину. Ехать надо было километров тридцать, до ближайшего аэродрома. Без приключений не обошлось. Отъехали от расположения дивизии на пару километров, в небе вдруг появился самолет. Долбанный «лаптежник» начал заходить нам в лоб, ревун у него, не дай бог услышать в мирное время – обделаешься. Как они сами в кабине от него не гадят под себя? Наш водила дал по тормозам, а мы вылетели из машины как наскипидаренные. Бросились в разные стороны и залегли на землю. Короче, дальше шли пешком. Эти суки так наловчились кидать свои бомбочки, что первой же расхреначили эмку «под орех». Благо мы отбежали немного. Но взрывной волной откинуло далеко, еле встал. Сначала и рукой пошевелить не мог. Тело все ныло после падения. Майор поднял меня, и, отряхнувшись мы устремились к ближайшей рощице. Водитель и еще один боец, охранник, наверное, бежали вслед за нами. Оружие было только у пресловутого охранника, да у майора пистолет. У меня лишь нож в сапоге, без него вообще никуда не хожу. Правда, есть еще заныканная за пазухой «фенька», но про нее я буду молчать. Если бы майор знал, уже бы отобрал. А гранату мне незаметно положил в карман Мурат, вот чертила, как знал, что пригодится. Теперь вот топать неизвестно сколько, без оружия на войне нельзя.

Шли по окраине леса, кругом было тихо. Вообще, опасаться стоило только самолетов, ибо здесь наш тыл, а сейчас не июнь. Тылы прочесывают постоянно. Когда уперлись в дорогу, майор несколько растерялся. Но, быстро сообразив, махнул рукой, указывая направление. Пыльная, заросшая по обочинам высокой травой дорога была прямой как стрела. Спустя час ходьбы послышался шум мотора. Все залегли на обочине, укрываясь в траве, а полкан послал охранника посмотреть. Машиной оказалась полуторка с ранеными, но нас взяли. Водила полуторки, старый хохол, с огромными как у таракана усами, покочевряжился немного, но увидев форму, а особенно удостоверение энкавэдэшника, сразу сник.

– Да ты не бойсь, отец. Мы свои, на аэродром идем, – простодушно сказал ему майор. – Машину у нас немцы списали, пришлось пешком топтать.

– А документы покажите, – не трусая, все-таки попросил водила.

– Да, пожалуйста, – майор опять достал красную книжицу и раскрыл. Водила, прочитав, присвистнул и махнул рукой на кузов.

Мы запрыгнули в кузов, аккуратно, чтобы никого не задеть, уселись. Водила тронул машину. «Рыдван», подпрыгивая на кочках, медленно пополз вперед. Приехав в госпиталь, помогли разгрузить машину, меня удивил энкавэдэшник, который вместе со всеми носил раненых. И не меня одного, легко раненые даже отказывались от помощи, говоря, что могут сами, но тот их не слушал.

От госпиталя до аэродрома было около двух верст, мы прошли их пешком. Прибыв, майор ушел к летчикам, а мы остались сидеть возле ближайшего бомбовоза. Что за штука я не знал, наверное, какой-нибудь ТБ-3 или еще чего.

Майор появился через пять минут и объявил, что вылет прямо сейчас. Пришли летчики, запустили двигатели, нам была отдана команда на погрузку. Усевшись вдоль бортов, мы стали ждать взлета. Самолет, прогрев моторы, взревел так, что уши заложило, покатились на взлетку. Закончив разбег, при котором нас изрядно потрясло, самолет оторвался наконец от земли и стал набирать высоту. Полет прошел спокойно, даже подремать сумел, только под конец уши уже ничего не слышали и замерз сильно. Приземлились мы довольно мягко. Возле самолета нас ожидал какой-то военный с капитанской шпалой в петлицах.

– Здравия желаю, товарищ майор, следуйте за мной, – коротко отчеканил «кэп» и показал направление. Меня засунули на заднее сиденье между капитаном и Истоминным.

Как только оказались на подъезде к столице, я усиленно стал вращать головой, разглядывая город этого времени. Ничего того, что я видел в свое время, не замечал. Только когда приблизились к центру, стали попадаться дома, сохранившиеся в ХХІ веке. К Берии, конечно, сразу меня никто не провел. Завели в какой-то кабинет в конце коридора, дали бумагу и чернила. Перьевую ручку я даже взять побоялся.

– Можно мне карандаш? – растерянно спросил я.

– Не положено, но я спрошу, – пообещал майор, – карандаш легко стереть. Что, вообще не умеешь писать?

– Да писать-то умею, но не этим, – я указал на перо, – долго же я буду тут кружева выводить.

– Пиши, у тебя время до утра.

– Ладно, а поесть ничего нет? – Я давно хотел есть.

– Я скажу, принесут.

– Ладно, будем писать. Забыл спросить, а что писать-то?

– Все, что хотел бы сообщить, все, что вспомнишь, и даже то, чего не вспомнишь. Постарайся к утру успеть вспомнить побольше.

– Понятно, не вспомню, так помогут?

– Именно так!

– Утешили. Спасибо.

– Не за что. Кушай на здоровье.

Я осмотрел кабинет, он был небольшой, одно окно, два стула, стол, еще один стул у стола. Окно завешено толстой тяжелой занавеской. Свет через нее практически не проникает. На столе настольная лампа с большим абажуром, бумага и принадлежности для письма. С краю лежит папка со скромной надписью «ВНУК». Это мне уже прозвище прилепили? Нормально. Когда и успели-то? Майор, уходивший, пока я разглядывал кабинет, вернулся.

– Сейчас принесут ужин. Если что понадобится, стучи в дверь, принесут.

– А если в туалет захочу, тоже принесут?

– Шутник тоже мне. Постучишь, проводят. Увидимся утром, не теряй времени. – Истомин вновь исчез за дверями.

Я сел за стол, открыл папку, она была пуста, наверное, в нее надо будет сложить то, что напишу. Отодвинув папку, я взял лист бумаги и удивился толщине листа. Взял перо и, обмакнув кончик пера, тут же посадил огромную кляксу.

– Блин, ну говорил же! – пробормотал я сам себе и скомкал испорченный лист. Дверь открылась, вошел человек в военной форме, на петлицах два кубаря.

«Лейтеха еду носит, нормально тут живут», – подумал я.

Вошедший лейтенант молча поставил еду на край стола, на котором было свободное место, развернулся и хотел выйти.

– Извините, не могли бы вы принести какую-нибудь корзину для испорченной бумаги? – задал я вопрос. «Лейтеха» обернулся, бросил на меня короткий взгляд, кивнул и вышел. Через минуту вернувшись и поставив ведро возле стола, так же молча удалился. А я уже вовсю уплетал вкуснейшие котлеты, хоть и холодные, но офигенно вкусные. Запивая чаем, последнюю, пятую котлету, я лениво потянулся. Поспать бы теперь, так нет, работать надо. Ограничиться написанным, конечно, не удастся, как бы я не хотел. Все равно от беседы с каким-нибудь косто-ломом мне не отвертеться, а может, придется и с Верховным пообщаться. Ага, мечтай, мечтай.

Для себя я уже давно решил, если будут пытаться, попробую броситься на конвой, может, сразу пристрелят. Помочь я очень хочу, но не через силу. Когда все напишу и расскажу, буду проситься на фронт, как памятный герой книги Конюшевского. Когда читал книги о попавших, даже не представлял, что такое может произойти со мной, ведь у меня нет ноутбука с инфой, нет каких либо особенных знаний, я был обычным человеком, ничем не выделяющимся. Просто много читал и интересовался судьбой предков. Очень уж меня интересовали эти годы жизни моих родных, да и других людей, воевавших и живших в это нелегкое время. Начав писать, первым делом указал дату рождения, дату попадания сюда, как-то не заметил, что уже перешел на шестой лист, правда, писал крупно. Боялся, что чернила будут сливаться.

Написал о начале войны, разгроме первых дней и недель. Про битву под Москвой, мужество людей, обороняющих город. Про блокаду Ленинграда, где от голода и холода погибнет уйма жителей. Барвенковский выступ и показную браваду Тимошенко при наступлении на Харьков. Про героев Сталинграда. Дошел до Курской Дуги. Перечислил всех командиров, так или иначе показавших себя в войне, конечно, тех, что помнил. Подустав, решил, надо попросить курева. Очень хотелось курить, поганая привычка сохранилась и здесь. Постучав в дверь, хотел уже садиться обратно, но дверь открылась, передо мной предстал тот же лейтенант.

– Слушаю, – коротко произнес он.

– Товарищ лейтенант, а мне можно курить?

– Сейчас принесу пепельницу, папиросы есть?

– Нет, откуда?

– Хорошо, – ответил «лейтеха» и вышел. Вернулся он через пять минут, поставил на стол стеклянную пепельницу, а также положил пачку папирос и спички.

– Если не хватит, принесу еще, – закрыв дверь, исчез.

Посмотрев на закрытую дверь, я взял пачку и, достав папиросу, согнул мундштук. Раз пять чиркнув спичкой, наконец прикурив. Да! Это не сигареты из моего времени. Такой горлодер – аж душу вынимает. Прокашлявшись, стал затягиваться не так сильно. Выкурив папиросу, прополоскал горло остатками чая. Интересно, сколько времени? Уже так темно на улице. Я сел и стал писать дальше. Закончил про войну. А что еще писать, какой смысл? Если война пойдет по другому сценарию, значит, и после войны все будет не так, как было в моем времени. Будут спрашивать, расскажу, а писать не буду. Сидел и вспоминал то, что читал о войне и командирах. Под утро открылась дверь и вошел лейтенант, принес чай и булочку. Я с удовольствием перекусил и уснул прямо за столом.

Как ко мне входили, я не слышал. Разбудил меня майор, трясший меня за плечо.

– Извините, товарищ майор, заснул. Притомился что-то.

– Ничего, есть хочешь?

– Не откажусь.

– Сейчас принесут. Работу выполнил?

– Насколько знал, да. Вот, все здесь, – я указал на листы пальцем.

– Отлично, я на доклад. Поешь пока и отдыхай. Может, еще нескоро понадобится. –

Майор собрал со стола все листы, спросив у меня, в каком порядке их надо разместить. Я показал. Он сложил все в папку и вышел.

В дверях возник лейтенант, но уже другой.

«Сменили», – подумал я.

Мне поставили на стол поднос, на котором лежало печенье, хлеб, масло и стакан чая.

«Во блин, даже масло есть!» – хотя я ведь в тылу, здесь с питанием лучше. Все это я прокрутил в мозгах.

С аппетитом позавтракав, я закурил. Не успел докурить, как вернулся Истомин.

– Сейчас умоешься, приведешь себя в порядок и пойдем. Нас ждут.

– Лаврентий Павлович?

– Именно, он сам решил с тобой поговорить, а то, что ты написал, отвезет товарищу Сталину.

Меня проводили в уборную, где я нашел щетку для одежды и для обуви. Умывшись и почистив сапоги, я вышел в коридор. Мы прошли по коридору, поднялись на этаж выше и оказались у кабинета с большими дверями. Войдя в них и позвав меня за собой, майор что-то сказал секретарю. Тот поднял трубку телефона и произнес одно слово:

– Прибыли.

Истомин, молча расстегнув, снял ремень и, обернув вокруг кобуры, отдал секретарю. Я подошел к столу и, вынув нож из сапога, положил рядом. Гранату Истомин отобрал сразу, как приземлились. Оказывается, он прекрасно о ней знал. Секретарь внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал, а, подойдя к двери в кабинет Берии, открыл ее.

Войдя следом за майором, вытянулся в струнку, последовав его примеру. Берия я узнал сразу, очень уж внешность у него была запоминающаяся. Портреты я видел не раз в своем времени. Поблескивая стеклами пенсне, тот смотрел строгим взглядом прямо мне в глаза. Да, сила из этого человека так и прет. И – Власть!

– Так вы и есть тот самый «Внук»? – с усмешкой в голосе, спросил всесильный нарком.

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович, да, это я и есть, – с Берией я решил не шутить, вдруг не поймет.

– Вы свободны, – сказал Берия майору – и тот, развернувшись, вышел.

– Расскажите мне, товарищ Новиков, как такое могло получиться, что так быстро, после смерти товарища Сталина, рухнул весь Советский Союз?

«Ни фиги, откуда начал!» – и чего говорить, хотя, как есть, так и скажу, по крайней мере о чем знаю.

– Лаврентий Павлович, некоторые люди, находящиеся сейчас в высших эшелонах власти, захотели жить красиво. Сейчас они стелются перед товарищем Сталиным, а затем у них случится «головокружение от успехов», – «ага, именно так, с кавказским акцентом я и сказал». – Кое-кто так возвеличится, что будет переписывать историю войны и партии в выгодном ему ключе. И благодаря этому завоевывать популярность у народа. За власть вся верхушка будет драться друг с другом, разве что без танков. И пока будет идти вся эта возня, страна перестанет быть той, какую вы строите. Людям просто нечего станет есть.

– Смелое заявление, вы отдаете себе отчет в том, что говорите? – нахмутив брови, говоря с легким акцентом, произнес Берия. Чего-то сразу стало как-то не по себе. – Кто эти люди, вы можете их назвать? – продолжал нарком, теребя в руках карандаш.

– Могу, товарищ Берия, но понравится ли это товарищу Сталину? – решил на прямой ответ я.

– Хорошо, что знаете, к этому мы еще вернемся. – «Ага, вернешься, просто боишься прыгать через голову генсека», – подумал я.

– Вот вы тут пишете, – Берия ткнул в исписанные мной бумаги, – что враг дойдет до столицы, отчего это произойдет?

– Товарищ Берия, я могу высказаться своими словами? Ведь я не историк.

– Говорите как есть. Выводы мы сделаем сами, – нарком кивнул.

– Я, конечно, не специалист-историк, но считаю, что причин было много. Это и отсутствие авиации, после «внезапного нападения», малое количество транспорта и топлива, оружия и боеприпасов. Перебои в снабжении. Даже нехватка продуктов питания, все это складывается в такой плачевный результат.

– Все так плохо? – Берия снял пенсне, потеряв переносицу, вернул на место.

– Товарищ Берия, мне известно, что в первые месяцы войны танкисты бросали абсолютно целые танки по причине отсутствия горючего. А что делают особисты и другие «представители власти»? На Ленинградском фронте, в мое время, один из представителей Ставки, выступил перед строем с такими дикими тезисами, что уши в трубочку сворачиваются, и думается, а здоров ли он?

– Что же он такого скажет? – с интересом спросил нарком.

– На вопросы о снабжении, в частности продовольствии, заявит, что солдат должен питаться утром, когда еще темно, и вечером, когда уже темно. В обед удастся сухарь погрызть – хорошо, а нет, так и на том спасибо! Даже ширину шага показывал, каким должен ходить боец Красной Армии. Это голодный-то солдат, который ноги с трудом переставляет? Это как?

– И что, это правда? Маразм какой-то. Вы, – Берия ткнул пальцем в мою сторону, – вы знаете этого человека, его фамилию.

– Если будет нужно, назову, – спокойно ответил я. – Да только он разве один? У нас почему-то так повелось, что раз при власти, то царь и бог. А простые люди – быдло и рабы.

– Вы не забываетесь? Что, в ваше время все так плохо? Как же там у вас с людьми обращаются, что народ настолько озлоблен? – Берия спрашивал все это очень твердым голосом.

– Лаврентий Павлович, говорю как есть. Какой смысл мне врать? Я не выслуживаюсь и не заискиваю. Раз уж представился случай, расскажу то, что помню. То, о чем говорили и писали в мое время. Если мне будет дана возможность, сделаю для страны все, что только смогу.

– Я наслышан о ваших похождениях, вы, правда, настолько безрассудны, или это просто глупость? – Берия несколько отошел от темы.

– Нет, просто, находясь в войсках, я хотел показать ребятам, что не так страшен черт. Немца можно, а главное – нужно бить. И ребята мне поверили и дрались отчаянно. Просто нужно думать немного, а не наказывать солдат за здоровую инициативу. Если боец знает наперед, что его же крайним и выставят, то и делать ничего не будет. Такое войско превращается в стадо, уж извините за крайность, – я замолчал, переводя дух.

– Но вы очень сильно рисковали, ведь на передовой могут убить. А вы обладаете достаточно ценной информацией. Это, по меньшей мере – глупо. Если не сказать – преступно. Конечно, все еще будет проверяться и перепроверяться, но...

– Товарищ Берия, а как вы себе представляете, как мне нужно было поступить? Прийти к особисту и сказать: я из будущего, все знаю, везите меня в Москву? Много думал по этому поводу, решил, что все равно мне не поверят.

– Ну, конечно, не так прямо, но и идти на пулемет без оружия, тоже неправильно! – Донесли гаврики про мой выход к немецкому посту и фокус с гранатой. Хотя ведь и я отчеты писал. Я выругался про себя, а вслух добавил:

– Того требовала обстановка. Когда я появился здесь, меня чуть не расстрелял политрук. Ротный заступился и поверил в то вранье, что я наговорил. Спасибо ему за это. А я, в свою очередь, попытался доказать, что он поступил правильно, сохранив мне жизнь. Конечно, это было рискованно, но не думаю, что у меня были другие варианты.

– И превосходно доказали, представление вашего командира роты, а также генерала Лебедева лично, дошли до верховного главнокомандующего, и он, узнав о вашей аванюре, сначала ругался, но потом пришел к мнению, что вы поступили хоть и безрассудно, но смело и изобретательно. Товарищ Сталин приказал вас наградить. Нет, товарищу Сталину не обо всех рядовых докладывают, но больно уж вы выделяетесь из общей массы бойцов. А уж про

вашу удачливость и трюк с пулеметом. Такие случаи на фронте нужны, это поднимает настрой в войсках.

– Товарищ Берия, это было бы невозможно без бойцов моего отделения. – Я сделал самый скромный вид, на какой был способен.

– Да, да, награждены будут все участники, – кивая, успокоил меня нарком.

– Ну и хорошо, а то в мое время с этим была большая проблема, – я перестал смущаться и стал говорить все, что, так сказать, «накипело». – В первый год войны награждали вообще очень скупое. А ведь простые бойцы не виноваты, что Гитлер к нам приперся. Люди и воюют по-другому, когда чувствуют, что их судят по заслугам. Трусом надо наказывать, а героев награждать. Это хороший стимул. У нас даже через много лет находили фронтовиков и вручали скромные награды, честно заслуженные в бою. Хотя это очень грустно, что заслуги человека оценили только через полвека.

– Мы учтем ваше предложение, я думаю, что товарищ Сталин поддержит это дело. Были люди, что выдвигали такие же предложения.

– Отлично, извините за излишнюю наглость.

– Вот вы говорили про «грызню» после смерти вождя, а я в ней участвовал? Говорите правду, не надо смягчать, – Берия опять перевел разговор на скользкую тему.

– Правду? – я с любопытством посмотрел на Лаврентия Павловича и задумался. Никому не понравится такая правда, особенно от какого-то мальчишки.

– Конечно, правду, врать у нас, видимо, есть кому и без вас, – снова кивнул нарком, и я решил.

– Вас устранили самого первого, вы имели неосторожность, стать главным конкурентом одного не в меру активного товарища. Просто потому, что были умнее и пытались работать на благо страны. Но все ваши методы, прослушка телефонов и кабинетов, слежка и авторитет главного энкаведэшника сработало против вас как бомба.

– Это за кем же я следил? – с изумлением поглядел на меня нарком.

Я стал рассказывать, что в моем времени существовало много теорий про НКВД.

– Думаю, половина из них ложь, а может – и нет. Было и такое мнение, что некоторые ваши подчиненные просто прикрывались вашим именем, творя беспредел, зная, что их никто не проверит. Выслуживались, пытались пролезть во власть повыше. Уж слишком разная жизнь у простых людей и у тех, кто приближен к власти имущим. У нас везде кричали о том, что вся страна опутана вашими сетями. Люди даже дома, в кругу семьи старались держать языки за зубами. Я читал, что вы, Лаврентий Павлович, споткнулись на военных. Собирая компромат, постоянно следя за всеми, вы как бы оттолкнули их. К тому же многих устранили и другие были очень злы, да и просто опасались вас у власти. Многие будут просто ненавидеть вас. Когда наступит важный для вас момент, они, припомнив вам все, просто отвернутся от вас. Это будет последней каплей, вы останетесь одни, извините.

– Да, даже и не верится, что это про меня.

«Ага, а то ты ни за кем сейчас не следишь», – пронеслось у меня в голове.

– Я предполагаю, что это пошло еще с довоенных времен, когда и вправду было много всяких уродов, но палку перегнули. Как обычно. То же самое вышло и с учеными.

– А с ними что не так? – еще больше удивился нарком.

– Множество разных людей, пусть не гениев, но действительно талантливых, сидят по ложным доносам. Их облили грязью собственные соратники, помощники, ученики. Наговаривали только для того, чтобы место занять, а что еще и работать надо, они и не думали. Вспомните, ведь наверняка, читая чье-нибудь дело, закрадывались сомнения? Или человек, пришедший на место посаженного или расстрелянного, ничего дельного не может сделать, просто потому, что не его это идея или разработка, поэтому и не может довести дело до ума.

– Я сегодня же начну работать по этому вопросу, пересмотреть придется множество дел. Это работа не на один день. Есть какие-нибудь точные имена? Желательно, конечно, чтобы вы вспомнили и то, над чем трудились эти люди.

– Кого-то, конечно, помню, некоторые совершили такие прорывы в своих областях, что их будут помнить вечно. Например, Сергей Павлович Королев, отличный конструктор и основатель нашей космической программы.

– Он признал свою вину во вредительстве. Постоянно высказывает свое недовольство властью. Дерзок и неуправляем. Имеет дурные наклонности и барские замашки.

– Этот дерзкий человек выведет в космос первого человека, на его разработках будут летать в космос восемьдесят лет, а может и дольше, я просто дольше не прожил. Как ему не ругать власть, если его, самого талантливого и перспективного конструктора, держат по каким-то доносам в тюрьме. Признался, говорите, это со сломанной-то челюстью? Сейчас, когда он мог бы приносить пользу народу, он особенно нужен. Или вот конструктор Грабин, сделавший самое удачное артиллерийское орудие этого времени, а ему не дают его выпускать. Только потому, что один идиот, который сидит в комиссии военприемки, шарахается от всего нового как черт от лаdana! Да и Тухачевский здорово «помог». И таких, к сожалению, очень много.

– Может, составите список на бумаге? Хотя это, наверное, будет очень большой список, – задумался Берия.

– У меня немного другое предложение, разрешите Лаврентий Павлович?

– Слушаю.

– Найдется ли человек, который знает все про вооружение нашей армии, он мог бы составить список, хотя бы по родам войск, а я постараюсь вспомнить все, что, так или иначе возможно предпринять. Дополню тем, что пошло на «ура» в моем времени, но запоздало. Так может получится внедрить раньше и ситуация на фронте, да и в жизни улучшится. Просто для моей дырявой памяти так легче будет. Только не из военприемки, а действительно специалист.

– Давайте попробуем. Я отдам распоряжение, постараемся доставить сюда человека после обеда, я пришлю его к вам, вот вы и поработаете, идет?

– Отлично, Лаврентий Павлович, это то, что нужно.

Мы говорили еще два часа, мне показалось, что Берия остался доволен. Потом меня проводили в тот же кабинет.

Глава 8

Когда в дверях возник человек с майорскими шпалами, я присвистнул. Он принес с собой кучу бумаг в кожаных папках, в них содержались ТТХ различных видов оружия и техники. Разговор начался вяло, пришедший явно стремился узнать уровень моей компетенции. Но постепенно мы разговорились.

– Что можете сказать о танках? – Ага, дошло до тяжелой техники. Попробую ответить.

– Немного, большой процент выхода из строя танка Т-34, это повреждение мотора и ходовой части, – вспоминая прочитанное когда-то в интернете, произнес я.

– Понятно, значит, нужно придумывать меры борьбы. Впрочем, мы вообще-то знаем, куда направить мысли инженеров. А вот вопрос, что в существующей машине можно улучшить?

– Я не специалист. Вообще, я могу подсказать только примерное направление для разработок. Просто из-за знания того, что так и так произойдет. Но благодаря этому, можно ускорить процесс и избежать неправильных решений.

– Хорошо, я вас понял. И так, что же по танкам?

– Если мне не изменяет память, то многое вы могли бы узнать, прочитав рекомендации по проекту А-20. Там многое есть. Помню, что-то про модернизацию системы вентиляции и фильтрации. Про проблему с фильтрами вам ведь известно?

– Да, я что-то слышал.

– Также нужно придумать, как изготовить систему активной защиты, я сделаю вам соответственные наброски. Обязательно усилить броню. Немцы не будут стоять на месте и скоро наша броня станет недостаточной.

– Тогда понадобится двигатель более мощный. Этот не потянет.

– Не потянет что, скорость в шестьдесят километров в час по шоссе? – усмехнулся я, вспоминая лозунги партийных деятелей этого времени.

– Да, скорость упадет. Танк потеряет в маневренности, – серьезно ответил майор.

– Я что-то не видел на фронте летящих с такой скоростью танков по бездорожью. А вот дырявых коробочек полно, – с некоторым недовольством вставил я. – Немцы активно используют против наших танков, зенитную артиллерию.

– Ну, в чем-то правы, – майор задумался, сдвинув густые брови.

– Орудие, – воспользовался я паузой, – нужно орудие калибром не менее 85 миллиметров. Со стабилизацией и более высокой настильностью. Танки улучшаются постоянно. С дистанции 300–400 метров уже никто не стреляет. Немцы добились от своих орудий высокой настильности, а у нас она, к сожалению, хромает. Нужна возможность пробивать броню 80–100 миллиметров, с расстояния километра, минимум 800 метров.

– Да вы даже не представляете, что это должно быть за орудие! – вскинулся на мои слова майор.

– У немцев же есть. Скоро они приспособят эту пушку на прототип танка. Для наших танкистов начнется ад, их будут расстреливать как в тире. Ведь мы не сможем приблизиться на нужную дистанцию, – спокойно отвечал я.

– Ну, если немцы смогли сделать, надо и нам попробовать, вообще-то есть кое-какие наработки.

– Ну, вот видите. Было бы желание. Скажите, а дивизионное 76-миллиметровое орудие, кажется, так и не приняли на вооружение?

– Чья конструкция? Грабина?

– Именно, отличное орудие.

– Ясно, нужно поднять документы по полевым испытаниям. Наверное, дорого выйдет перевести завод на новое орудие.

– Вы лучше доклады с фронта почитайте, да и не так дорого на самом деле. Зис-3 можно запустить вместо Зис-2 и УСВ, – предложил я.

– По пулеметам есть что-нибудь?

– Да, точно. Самое главное, нужно просто больше пулеметов. До войны, видимо, не успели насытить войска по уставу. В каждом отделении должен быть пулеметчик и... Снайпер! Нужно обсудить и проверить возможность запуска КПВ – 14,5 миллиметров. Ведь для ПТР используются его патроны?

– Владимирский?

– Точно.

– Не успели перед войной закончить, сейчас вроде некогда.

– Очень жаль. Он ой как пригодился бы, – может, чего-нибудь выйдет. Ведь крупняк-то есть, только до ума довести.

Разговор затянулся до поздней ночи, говорили, чертили наброски разных видов оружия. Я рассказал о нехватке автоматического оружия и предложил найти конструктора Судаева, сказав, что у него есть наметки отличного пистолета-пулемета.

– Отдельно нужно говорить на тему обмундирования военнослужащего. Для бойцов спецподразделений нужны разгрузки, для ношения боеприпасов на себе.

– А это еще зачем? Чем ремень не устраивает?

– В разгрузочном жилете очень удобно располагаются боеприпасы. Ничего не стесняет движений и взять можно больше.

– Что за разгрузка? Как она выглядит.

– Я нарисую, – и стал рисовать примитивный разгрузочный жилет. Потом объяснял, как его носить и как размещать боеприпасы.

Майор качал головой, что-то задумчиво мычал.

– Трудно будет наладить выпуск новинок в столь тяжелое время, – заключил он.

– Вещь очень простая, думаю, не должна быть сильно дорогой. Я сошью вам образец и дам на оценку, пусть мне принесут кусок какого-нибудь материала, да хоть старую гимнастерку, пару ремней от винтовок и пуговицы. Ну и иголку, нитки и ножницы. Жилеты могут потянуть какие-нибудь ателье, ведь нужны они совсем в небольших объемах.

– Хорошо, но поздно уже. Завтра продолжим. Хотя вы и так мне написали достаточно для начала, – майор попрощался и вышел, вместо него появился вчерашний лейтеха.

– Товарищ сержант, пойдемте, я провожу вас в комнату с диваном.

Я присвистнул и вышел вслед за ним. Пройдя по коридору, лейтенант показал мне на дверь.

– Там есть раковина и зеркало, бритвенные принадлежности на тумбочке.

– А где здесь туалет?

– Дальше по коридору, вторая дверь слева, – показав мне расположение клозета, лейтеха исчез. Ладно, хоть вместе со мной на унитаз не сел. Сделав все дела, я вернулся в кабинет с диваном. Умылся, побрился, не люблю с утра бриться. Правда, пришлось повозиться, бритвенных станков «Жиллет», с их безопасными плавающими головками, здесь не присутствовало. Оставив пару порезов на шее и щеках, все-таки побрился.

Спал я без снов, причем как лег, так и продрых, ничего не слышав. Утром меня разбудили рано, часов в шесть. Но выспаться я и не надеялся. Принесший завтрак вчерашний майор, с которым мы вели беседу про вооружение, выглядел, как и я, не выспавшимся.

– Что плохо спали?

– Просто два часа всего. Вот и выгляжу так. А вы как? – майор устало посмотрел на меня.

– Мне удалось поспать чуть больше вашего, но все равно не выспался.

– Работы много. Надо многое еще сделать. До обеда работаем с вами, потом я уеду, сегодня запланированы встречи с несколькими оружейниками.

– Когда успели?

– Да вот успели, – многозначительно ответил майор и, потеряв глаза, добавил: – Кого нашли в Москве.

Мы продолжили нашу беседу, под завтрак. Часа в два майор, сославшись на озвученные ранее дела, собрал бумаги и ушел. А за мной зашел лейтенант и, подав мне в руки стопку одежды, в которой я разглядел тщательно выглаженную форму, удалился, сказав, что ждет снаружи. Одевшись в новенькую форму без знаков различия, согнав складки, я вышел в коридор. Лейтенант объявил, что идем обедать в столовую.

– Что, мне разрешили выходить? – с интересом взглянув на лейтенанта, я последовал за ним.

– В присутствии сопровождающего, – бросил лейтеха через плечо.

– Давай хоть познакомимся, да на «ты» будем? Новиков Сергей, – сказал я и протянул руку.

– Лейтенант Воронин, Алексей, – сказал он в ответ и пожал мне руку.

– Чем кормить будут?

– Сейчас узнаем, вроде борщ должен быть.

– Борщ, это хорошо.

А борщ был, нет, не так. БОРЩ БЫЛ – вкуснейший, наваристый, аж ложка стояла. Заправленный такой же густющей и великолепной сметаной. После приема пищи меня проводили в кабинет. Только я улегся на диван, мечтая вздремнуть чуток, как появился «мой» майор.

– Собирайся, едем?

– Куда, к Сталину? – хлопая глазами, воскликнул я.

– Зачем? На завод поедем, там собрали нескольких конструкторов, попробуешь им объяснить кое-что.

– Ну ладно, поехали.

Да, размечтался, к Сталину. А на хрен ему надо, с каким-то мутным попаданцем встречаться. Ему и так все расскажут, плюс всю мою писанину прочтает. В моем времени люди не глупые называли его умным человеком, выводы делает сам. А и, правда, какая разница, от меня услышать или прочитать? Только дело в вере, а он очень недоверчивый и поверит ли, неизвестно. Впрочем, если меня попробуют убрать, значит, не поверил. Хотя убрать могут и просто ради секретности, да, задачка.

Съездили на завод! Лучше бы я молчал. Эти инженеры-рецидивисты меня заклевали. По их словам, я абсолютно ничего не понимал в производстве. А я и не скрывал этого. Я просто рассказал, что они же и сделали в моем времени. Не объясняя им, откуда мне при шли в голову такие мысли. На то они и инженеры, чтобы думать, можно ли как-то мои бредни воплотить в жизнь. Ведь я-то знал, что могут, это они артачились. Но в итоге сошлись на том, что они будут экспериментировать, но не обещают сделать что-то уже завтра. На том и закончили. Когда уходили, ко мне подошел один солидно выглядящий дядька:

– Я вам должен спасибо сказать. Иначе так бы про меня и не вспомнили.

– Извините, вы это о чем? – Я не знал этого человека.

– За мое орудие, Грабин, я...

«Во блин, когда его успели притащить сюда», – мелькнуло у меня в голове.

– А! Да не за что, Василий Гаврилович, – запинаясь, ответил я.

– А откуда вы про него знаете, можно спросить, ведь полигонные испытания мне не разрешили провести. Мы с коллегами испытывали его сами, как могли.

– Молодцы, что не отчаялись. И что ведете по нему работу даже сейчас.

– Откуда... Но как? – изобретатель испуганно глядел на меня, выпучив глаза.

– Не забивайте голову, товарищ Грабин. Работайте спокойно и помогите войскам хорошими пушками, – несколько высокомерно заявил я. Плевать, сами привезли сюда. Пусть теперь думают.

– Спасибо, – явно смутившись, только и проронил инженер.

– И вот еще что, нужно поработать со снарядами. Хорошо бы снаряд новый сделать – подкалиберный или простой бронебойный до ума довести. Вот тогда немецким танкам лучше сразу на заводах сгорать. – «Кто знает, может, и придумают что-нибудь», – подумал я.

– А что за снаряд?

– А вы поспрашивайте в своих кругах, – я решил заканчивать беседу, так как майор уже косился на часы. – До свидания, товарищ Грабин, было приятно познакомиться, – мы с майором пошли к машине. А Грабин в недоумении остался стоять.

– Не много ты ему сказал? – с легкой укоризной в голосе, спросил майор.

– Нормально, он понял, что раз я знаю и про его оружие, и про то, что они его по-тихому совершенствуют на своем предприятии, то и дальше думать станет.

– Ну, может, ты и прав. Только все это секретно, советуйся со мной в следующий раз.

– Чем выше секретность, тем быстрее произойдет утечка. Нормально все, – легкомысленно добавил я.

Мариновали меня две недели. Честно, думаю, отделался очень легко. С утра и до обеда – сплошные допросы и расспросы. С обеда и до вечера возили по предприятиям. А на ночь опять допросы, чтобы спалось крепче, наверное. «Умудохивали» как клячу колхозную. Вообще, я старательно намекал на то, что вспоминаю о чем-либо только тогда, когда соприкасаюсь с какой-либо вещью или ситуацией. Очень на это нажимал. Наконец меня услышали на небесах, и появился Истомин.

– Собирайся, – заявил тот с порога.

– Куда меня? – осторожно спросил я.

– К Лаврентию Павловичу. Наверное, сегодня ты последнюю ночь проведешь в Москве, по крайней мере в этот приезд.

– О как! И куда меня засунут, на зону? Или еще дальше? – Я уже ждал чего-то подобного. Больно хорошо все шло.

– Да брось ты, я говорил уже, не будут тебя сажать. Товарищ Берия все скажет.

– Заинтриговали, блин, я ж теперь трястись до последнего буду. – На самом деле, после всей той круговерти из допросов и бесед, меня уже трудно было напугать.

Глава 9

К Лаврентию Павловичу я входил один, Истомин остался в приемной. Генеральный комиссар государственной безопасности встретил меня тяжелым взглядом. Явно не в духе, что-то случилось? Конечно, случилось, война ведь идет. Что там у нас на конец сентября, начало октября? Ленинград, Киев. Нет, Киев уже потеряли, слышал сводку.

Блин, не помню ни хрена. В голове после последних дней – каша.

– Здравия желаю, товарищ Берия.

– Здравствуйте, товарищ Новиков. У меня плохие известия для вас.

– Что ж, готов понести то наказание, какое заслужил, – повесив голову, пролепетал я.

– Да нет, вы меня не так поняли. С вами как раз все наоборот. Приказ о награждении вас и разведчиков первой роты, в которой вы воевали, подписан товарищем Сталиным. Позже вам вручат заслуженную награду. Но вот с остальным...

– А что случилось-то? – спросил я, когда Берия на секунду задумался.

– Полностью потеряна связь с «вашей» дивизией, она не успела отойти на подготовленные позиции, вероятно окружение. Надеюсь, они еще не уничтожены, а просто в окружении и у них проблемы со связью. Из 111-й дивизии, помните, это ваши соседи справа, высылают группу разведчиков, они должны пройти позиции врага и узнать точно, что с войсками. Вашими друзьями-однополчанами были захвачены важные документы противника. Они срочно нужны здесь, в Москве.

– Разрешите, Лаврентий Павлович?

– Слушаю.

– Можно мне участвовать в этом рейде? Может, и от меня будет помощь. Я точно смогу пройти, причем незаметно. Меня этому учили.

– Вы что, с ума сошли, товарищ Новиков? Вы помогаете, давая руководству ценную информацию. Ваше дело – помочь нам ускорить процесс усовершенствований, это поможет целой стране.

– Товарищ Берия, извините. Я не хотел вам перечить. Поймите правильно, я провалился сюда, видимо, затем, чтобы помочь дивизии, в которой служит дед. Почему, я не знаю, ситуация на фронте сейчас много где и похуже, но я попал именно туда. Может, у меня не получится его спасти от смерти, скорее всего не получится, но и бесследно исчезнуть я ему теперь не дам. Раз так получилось, что именно после похорон останков, может и не его вовсе, меня закинуло именно к нему, так как я сразу его встретил, значит, я должен исправить ситуацию.

– Если все должно быть так, как вы говорите, не только ваш дед, а вся дивизия уже должна была погибнуть, но именно благодаря вам этого не произошло. Если так случится и его найдут, он поедет домой, я лично позабочусь.

– Нет, не надо! Лаврентий Павлович, умоляю. В нашей большой семье никогда не было трусов и не будет. Родные меня бы просто не поняли. Сейчас идет самая страшная война в истории человечества, аж до 2016 года мир не будет знать войны страшнее. И все должны внести свой вклад в победу, а она и вправду будет за нами.

Зазвонил телефон, Берия снял трубку. Послушав, что говорят, он сказал, – пусть заходят.

Вошли два человека в форме НКВД. Подойдя к Берии, оба вытянулись. А Лаврентий Павлович сказал:

– Начинайте.

Оба энкавэдэшника повернулись ко мне. Я разглядел в руках одного какой-то пенал, что ли. Его раскрыли, там на красном бархате лежали награды.

– Вы получите свою награду сейчас, а остальные будут ждать ваших друзей. Что бы не случилось, – Лаврентий Павлович снял пенсне и помассировал переносицу.

Проговорив минуты две о заслугах и долге каждого человека, один из награждающих взял в руки небольшую красную звездочку и, сделав шаг ко мне, быстро закрепил ее у меня на груди. Пожав мне руку, отошел назад.

– Служу трудовому народу, – рявкнул я. Честь не отдавал, был без «головы». Вместе с новой формой мне дали фуражку, но она лежала на столе Берии.

– Товарищ Новиков, у секретаря возьмете фуражку, которая вам положена, и приведите вашу форму в должный вид, там, куда вы отправитесь, она должна соответствовать вашему званию, – Берия показал на красивую форму энкавэдэшников. Я кивнул, взял со стола фуражку. Сначала из кабинета удалились награждающие, затем Берия протянул мне руку и, пожав мою, произнес: – Не делай глупостей, Сергей! Не разочаровывай и оправдай мое, и не только мое, доверие.

– Хорошо, Лаврентий Павлович, буду поступать, только хорошо обдумав предстоящий поступок.

– Удачи, увидимся еще и скоро.

– До свидания, Лаврентий Павлович. – «Какое еще звание, куда я отправляюсь», – подумал я.

Повернувшись на каблуках, я вышел от Берии. Секретарь остановил меня, протянув какую-то коробку. Заглянув в нее, увидел петлицы, удостоверение, именно удостоверение, а не красноармейскую книжку, кобуру с пистолетом, сумку-планшет, еще какие-то нашивки и свой нож.

– Вот это да! – Я обалдело смотрел на содержимое, а секретарь, что-то сказав, сел за свой стол.

– Что простите? – спросил я его. – Не расслышал.

– Я говорю, что написал вам бумажку, что и куда пришивать и как носить.

– Благодарю вас, счастливо оставаться, – опять круто повернувшись на каблуках, вышел и столкнулся с Александром Петровичем. Тот сказал, чтобы я подождал его в комнате с диваном, и, спросив разрешения вой ти у секретаря, прошмыгнул к Берии.

Вернувшись в комнату «отдыха», я достал и прочитал инструкцию. Снял гимнастерку и стал пришивать фуражку и знаки различия. Чего-то они не такие. Я прибыл сюда сержантом, с двумя треугольниками, а сейчас у меня два кубика. Это же лейтенантские знаки. Хорошо хоть нитки у меня были, для разгрузки принесли. А вот когда ее сошью, теперь не известно.

Через четверть часа вошел майор ГБ Истомин, был он мрачнее тучи.

– Куда сейчас? – спросил я его.

– На аэродром.

– Куда на этот раз? – Я удивленно приподнял брови.

– Туда же, откуда прилетели, только не в твою дивизию, а к соседям. Будем 235-ю искать.

– Ясно, я готов. Как же меня отпустить-то решились? – У меня даже сердце забилося сильнее.

– Не отпустить, а присутствовать рядом со мной. Начальство посчитало, что можно попробовать использовать тебя именно так, в надежде, что ты вспомнишь больше.

– Вот и я говорю, что так будет лучше, – закивал я.

– Поехали, лейтенант. Только знай: в случае захвата противником... Я думаю, понял? – с ухмылкой пробормотал Истомин.

– Ясно, – произнес я и тут же добавил: – кто лейтенант? – Я уставился на майора. – Вроде сержантом с утра был?

– Ты в документы глянь. Звание сержанта НКВД равняется общевойсковому – лейтенант.

– С чего такая милость?

– Наверху посчитали, что так надо, вопросов быть не должно.

Вот это да! Меня офицером сделали. А я ведь читал раньше и что-то про чехарду со званиями слышал, но вот вылетело из памяти. Я открыл документы и удивился своей фотографии.

– А где вы взяли мое фото?

– А ты приглядишься к нему, чего не так?

– Да вроде все так, только лицо какое-то странное.

– Сняли скрытно, увеличили.

– А, понятно. Могли бы и так, – пожал плечами я.

Приехав на аэродром, увидел уже знакомые очертания ночника ТБ-3.

– Иди, садись, – Истомин кивнул в сторону самолета. Забравшись в раскрытую дверь, уселся на лавочку. Майор тоже легко запрыгнул и устроился рядом. Летчики разогревали двигатели, боргмеханик принес нам тулупы.

– Интересно, как там дела? – задумчиво протянул я, кутаясь в тулуп. Пока еще не холодно, но помня первый полет, я передернулся.

– Прилетим, узнаем. Ты не вздумай с разведчиками свалить. Сам пристрелю, – с самым серьезным видом, произнес Истомин.

– Буду за вами хвостиком ходить, – преданно посмотрев на майора, ответил я.

– Ладно, прилетим, там видно будет. Запру тебя где-нибудь, и баста!

– Договорились. – Разговор как-то сам собою прекратился.

Самолет заходил на посадку по широкой дуге. Полет прошел спокойно, и мы готовились к приземлению. Майор, переговорив с пилотами, вернулся, сел рядом и не отходил, пока ТБ-3 не замер. Вышли мы вместе, майор, переговорив с каким-то лейтенантом, вернулся ко мне. Усевшись в машину, в которой нас ожидали два бойца, сначала молчали.

– Мне доложили, что группа вышла час назад, так что без тебя справятся, – наклонившись ко мне, сказал майор.

– Ну и ладно, можно я с вами буду, послушаю, что происходит, может, вспомню чего, через вас донесем до командующего.

– Хорошо, как приедем, сразу в штаб, – закончил диалог Истомин.

Приехав в расположение, я увидел полный разгром, кругом воронки, разбитые машины и кровь. Спросил у первого попавшегося красноармейца, что случилось?

– Так бомбили нас с утра, народу побило... – протянул боец и попылился по своим делам.

– Ясно, спасибо, – я повернулся к Истому, – товарищ майор, я «до ветру» сбегать? Да посмотрю вокруг. Может, помочь надо?

– Далеко не уходи. Возможно, скоро отступать придется. Я в штаб, придешь туда, спросишь у бойцов, где он.

– Хорошо, все понял. – А сам стал искать глазами, где бы взять оружие и патроны. Ну не могу я просто сидеть, когда моим родственникам жопа светит. Остановил проходящего мимо бойца, спросил, где у них тут оружейка, или что ее заменяет. Боец, посмотрев на мою форму, показал куда идти.

Нашел я быстро, оружие хранилось в одной из землянок, в ней хозяйничал, естественно, «зловный» старшина. Хотя и он, разглядев форму, только спросил, чем помочь.

Сказав, что мне нужен автомат, пяток гранат, патроны и желательно какая-нибудь старая форма, я уставился на старшину.

– Куда же вы собрались, товарищ сержант госбезопасности?

– Военная тайна. Очень нужно. – Ну, что еще я мог сказать.

– А документы ваши можно? – Какой въедливый старшина попался, но документы у меня теперь были что надо.

– Пожалуйста, – я достал и раскрыл удостоверение. Тот не стал его брать в руки, но долго читал. Наверное, точки с запятыми считал.

– Автоматов нет, все у комендантской роты. Остальные разведка забрала. Берите винтовку, самозарядку.

– СВТ?

– Так точно, ругают их, конечно, но за ней просто следить нужно, – с видом знатока заметил старшина.

– Раздолбаная, наверное, и нечищенная?

– Лично перебрал, все с ней в порядке. Берете?

– Давай, патронов сотню найдешь? – в рифму вопросом ответил я.

– Ну, сотню найду, но в пачках! – махнул рукой старшина.

– А запасных обойм нет?

– Четыре дам, больше нет.

– Хоть что-то. А как с гранатами? – Я решил, что нужно просить много, тогда получу хоть что-то.

– Две штуки, больше не дам, как хотите.

– Уговорил. С формой поможешь?

– Дам, но рядового. Зато – не дырявая.

– Ее и надо. Давай, – старшина вытащил сидор, положил в него комплект формы, прислонил к стене СВТ, достал гранаты и все остальное. Все аккуратно сгрузил в мешок. Записал в какой-то журнал и попросил расписаться.

Глава 10

Выйдя из землянки, я направился к ближайшим кустам. Переоделся, зарядил винтовку. Поверю старшине на слово, что она чистая. Набил запасные обоймы. Спрятал в карманы по гранате. Собрал свою гэбэшную форму, пошел обратно к старшине. Отдал ему все, что с себя снял, добавил фуражку. А он протянул мне пилотку, которую забыл дать сразу. Я натянул пилотку и вышел. Так, куда идти? Надо бы узнать по-тихому, в какую хоть сторону ушли разведчики. Перехватив одного очкарика, наверняка штабной, решил его спросить.

– Слушай, я привел языка, разведчики послали. Пока сдавал его, мои в рейд ушли. В какую сторону пошли, не видел? Знаю, что они собирались круг давать и уйти могли в любую сторону, где теперь их найдешь. Ты не думай, что я как оборванец одет, вот мои документы.

Я показал бойцу корочки. Тот взглянул, глаза расширились.

– Так вон туда они пошли, в сторону артиллеристов, – он показал рукой, – только уже часа два прошло, не догоните.

– Спасибо, брат, догоню, они меня все равно ждать будут.

Я почти бегом направился к пушкарям. Подойдя, я выбрал новую жертву, опять молодого.

– Привет, земляк! Разведка туда прошла? – я показал в сторону рукой.

– Привет, да туда, но давно, часа два назад, – артиллерист показал в ту же сторону, куда я сам предположил. Ладно, дальше дело техники.

– Спасибо огромное. – Я припустил бегом.

Пробежав с километр, пошел шагом, доставая из-за пазухи карту. Прикинув, куда пошли разведчики, я быстро понял их маршрут и свернул правее. Карту, кстати, я зажал у Истомина, взял посмотреть и не вернул.

Путь я выбрал не самый легкий, можно попасть прямо в логово зверя, но я рискнул. И не прогадал. Отмахав пяток километров, понял это, увидев деревеньку, сожженную, правда, но остатки еще просматривались. Эта деревенька в шесть дворов раньше была на правом фланге нашей дивизии. Если все верно, скоро должна будет показаться подбитая машина, на которой ехали мы с майором на аэродром. И точно, остов обгорелой эмки стоял на обочине дороги. Видно, загорелась, когда «лаптежник» нас утюжил. Я вошел в лесок и стал пробираться по краю, здесь уже могли появиться немцы, в любое время. Первые окопы появились неожиданно, видно, уже после меня копали, наверное, немец во фланг бил. Да, мясорубка! Все – люди, лошади, техника – перемешаны с землей. Кругом танковые следы, воронки, останки людей. Блин, их просто раздавили, но почему так мало гансов пожгли? На поле стояли всего четыре танка PZ-II и один PZ-III, один БТР-251, он же гроб «Ганомаг», и один грузовик «Опель». Сколько же танков здесь лезло, что они сумели смять наши позиции с такими малыми потерями? Десятка три, не меньше. А это сила. Винтовка давно уже была в руках, я был готов, но все равно растерялся, когда увидел их, наклоняющиеся к земле серые мундиры были уже рядом.

Это были трофейщики, мародеры. Они обирали трупы своих солдат, вытряхивали из карманов скудное содержимое. Наших просто шмонали, переворачивая, как тряпки, и отходили. Гансов было трое, один меня сразу заметил, я был всего в нескольких десятках метров от них. Немец нервно стал снимать с плеча карабин, а я вскинул винтовку, не до маскировки сейчас. Когда в прицеле появился уже начавший говорить «барахольщик», я нажал спуск. Выстрел прозвучал довольно громко. Фашист упал, схватившись за грудь. Остальные с выпученными глазами стояли как вкопанные.

– Хенде-хох, ком! – я махнул им рукой, чтобы шли ко мне. Они робко поплелись, осторожно оглядываясь. Подойдя ближе, они бросили оружие и мешки, задрали руки еще выше. А я вдруг подумал, а чего я их живыми-то беру, я все равно ничего по-немецки не понимаю.

Допросить не получится. Винтовку на плечо, ТТ в руку. Получилось довольно быстро. Только успел передернуть затвор, как один из гансов бросился на меня. Повалив меня на землю, он пытался выхватить пистолет. Но тот был повернут ему в живот, а развернуть его я не дал. Выстрел прозвучал глухо, немец обмяк. Выбравшись кое-как из-под труп, я увидел второго фашиста. Постоянно оглядываясь, он пытался убежать, спотыкаясь и падая. Далеко не убежал, между нами метров сто пятьдесят, и я уже навел винтовку на него.

«Да, с такого расстояния не должен промахнуться», – треснул выстрел, вылетела гильза, а немец, широко раскинув руки, полетел на землю. Осмотрев труп, нашел у одного в мешке целую кучу красноармейских и командирских книжек. Свалил их в свой ситор, пошел дальше, но уже осторожней. Оказывается, я вышел прямо на бывшие позиции, в том месте, где прошли немцы. И стоило ждать гостей. Барахольщики далеко бы от своих не ушли. И точно, показалась четверка гансов, шли прямо сюда, шли осторожно, слышали стрельбу, наверное, вот и крадутся как мыши. Я прятался за разбитым танком и, когда немцы оказались близко, решил залезть под него, чтобы наверняка остаться незамеченным. Когда они прошли мимо танка, я прямо из-под него выстрелил несколько раз из СВТ. Ох и хороша чертовка, три секунды, четыре труп. Поменял магазин на полный, в пистолете тоже сменил, порядок. Однако нужно забрать левее, обойти попытаться. А то они так и будут на меня идти. Или сам выйду – на танки.

Забирая левее и прижимаясь к земле, я шел минут двадцать, слышимая впереди стрельба затихала. Слышались редкие хлопки минометов. Да, значит, еще кто-то держится, надо, что-то придумывать. Пройдя еще немного, я увидел танки. Здоровенные серые туши стояли возле небольшой рощицы. Рядом стояло два грузовых «Опеля» и солдаты в грязных комбезах крутились возле них.

«И чего вы тут собрались, милые?» – я уже беседовал с умным человеком, с самим собой.

Наверное, те, кто еще жив, засели где-то в этом лесочке. Рощица и вправду отсюда больше походила на лес. По крайней мере другого конца видно не было. «Панцеров» было немного, я задумался. Как же могли такими силами уничтожить дивизию. Ответ пришел быстро. Идиот я, Берия же сказал, они в кольце! Значит, немцы с той стороны тоже где-то есть. А те, что прошли здесь, двинулись дальше, оставив только рембат, ну или чего-то такое. Надо пробираться в лес. Осуществить это оказалось не просто. Но помог случай. Услыхав сзади натужный рев мотора, я увидел ехавший грузовик. Дороги тут не было, ехать он вынужден был медленно.

Машина, это, конечно, хорошо. Но как в нее попасть? Я лежал и смотрел на приближающуюся машину. Водила явно к лесу прет, там по самой окраине дорога проходит.

– Это моя машина, и я на ней поеду! Была, не дала, – произнес я.

Резко вскочив, навел СВТ на кабину. Грузовик был уже метрах в десяти. Водитель со всей дури нажал на тормоз, сидевший рядом охранник приложился о стекло и высочить не успел. Пуля из автоматической винтовки, сделав аккуратную дырочку в лобовом стекле, вошла в грудь немца. Быстрый перевод оружия на водителя, тот сидит, поднимая руки над рулем. Подскочив к машине, открыл дверь и вытащил за рукав труп охранника. Падая на сиденье, заорал: «Шнель!» Повторять не пришлось, немец нажал на педаль, и автомобиль тронулся.

Всю дорогу до леса я смотрел то в зеркало, а то выглядывал из окна назад, преследования пока не было. Вдалеке кто-то виднелся, но попыток погнаться не делал. Глядя назад, я проморгал, как в нас начали стрелять из леса. Водила сразу упал на руль и повис, а неуправляемый болид, с названием «Опель», вломился в кусты и врезался в дерево. Благо скорость была небольшая, через стекло я не вышел, хотя не мог этого сделать, так как давно лежал на полу, скрючившись в бараний рог. С руля капала кровь и скапливалась в небольшую лужицу. Мне было немного дурно, да еще ударился, когда врезались.

Распахнулась дверь, чьи-то крепкие руки выволокли меня наружу. Не успел я встать на ноги, как со словами – так он сука наш! – мне в голову прилетела нога, обутая в грязный, стоптанный сапог. Мне как-то сразу поплохело еще больше, и я вырубился. Очнулся, когда

меня поднимали, видно, недолго ясны разглядывал. Связали руки качественно, еле пальцами шевелил. Во рту чего-то мешает, сплюнул и увидел вылетающий вместе с кровью зуб. Это что ж, за изверги-то такие? Бля, рожа разваливается, по ней как молотком били.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.